

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Любимов И.Л.

**Неравенство и экономический рост: теоретические
аспекты зависимости**

Москва 2016

Аннотация. В работе проводится комплексный анализ и систематизация теоретических и эмпирических исследований зарубежных авторов по проблематике зависимости между неравенством в распределении доходов и темпами экономического роста. Наиболее часто встречающиеся в литературе каналы влияния неравенства доходов на экономический рост могут быть объединены в следующие (четыре) группы: политико-экономический механизм, связывающий неравенство доходов с темпами роста экономики через политику перераспределения, канал, связанный с несовершенством на рынке капитала, механизм, устанавливающий взаимосвязь между неравенством доходов и темпами роста экономики через социально-политическую нестабильность и, наконец, канал, в котором неравенство доходов влияет на экономический рост через выбор уровня рождаемости индивидов. По результатам данного анализа авторы формируют базу данных, обобщающую теоретические механизмы зависимости между ростом и неравенством.

Любимов И.Л., старший научный сотрудник лаборатории исследований проблем экономического роста ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Анализ теоретической и эмпирической литературы, посвященной рассмотрению основных каналов взаимодействия неравенства в распределении доходов и темпов экономического роста.....	6
1.1 Обзор литературы по неравенству и политике перераспределения.....	6
1.1.1 Неравенство доходов, экономический рост и предпочтения медианного избирателя	13
1.1.2 Неравенство доходов, экономический рост и несовершенство рынка капитала	16
1.1.3 Неравенство доходов, экономический рост и социальная нестабильность	29
1.1.4 Неравенство доходов, экономический рост и выбор уровня рождаемости	48
1.2 Основные факторы влияния неравенства на экономический рост	52
Список использованных источников	64

Введение

В экономической науке до сих пор отсутствует консенсус по поводу характера взаимосвязи между экономическим ростом и неравенством. Некоторые теоретики предполагают, что экономический рост влияет на уровень неравенства доходов, другие – неравенство воздействует на темпы развития. Существует ряд теорий, в которых обе переменные положительно коррелированы, в других теориях доказывается отрицательная взаимосвязь.

В середине XX века господствовало представление о положительном влиянии неравенства в распределении доходов на экономический рост. Представители классического подхода объясняют это тем, что концентрирование богатства позволяет инвестировать в экономику, в то время как политика перераспределения ограничивает возможности для экономического развития.

Однако, с другой стороны, существует ряд каналов, по которым неравенство может негативно влиять на экономический рост: несовершенство кредитного рынка, угроза социально-политической стабильности, ограничение инвестиций в человеческий капитал, и т. д.

В работе проводится комплексный анализ и систематизация теоретических и эмпирических исследований зарубежных авторов по проблематике зависимости между неравенством в распределении доходов и темпами экономического роста. Наиболее часто встречающиеся в литературе каналы влияния неравенства доходов на экономический рост могут быть объединены в следующие (четыре) группы: политико-экономический механизм, связывающий неравенство доходов с темпами роста экономики через политику перераспределения, канал, связанный с несовершенством на рынке капитала, механизм, устанавливающий взаимосвязь между неравенством доходов и темпами роста экономики через социально-политическую нестабильность и, наконец, канал, в котором неравенство доходов влияет на экономический рост через выбор уровня рождаемости индивидов. По результатам данного анализа авторы формируют базу данных, обобщающую теоретические механизмы зависимости между ростом и неравенством.

Большинство эмпирических работ в рамках темы неравенства и экономического роста посвящено поиску ответа на вопрос, препятствует ли высокий

уровень неравенства экономическому росту. Однако весь объем эмпирических исследований, которые были проведены за последние десятилетия, не дает однозначного ответа.

Так, эконометрический анализ взаимодействия неравенства на темпы экономического роста приводит к противоречивым результатам, что обусловлено использованием при оценке как различных данных (пространственная выборка либо панельные данные), так и различных показателей неравенства (неравенство по коэффициенту Джини, либо как соотношение доходов верхнего квинтиля к доходам нижнего квинтиля). Также противоречивость результатов обусловлена качеством данных о неравенстве. В этом плане переломным стал 1996 год, когда Deininger and Squire [1] опубликовали достаточно качественную базу по неравенству доходов, на которой основывалось большинство последующих эконометрических работ. С появлением этой базы результаты оценки взаимодействия влияния неравенства на экономический рост стали качественно отличаться от более ранних работ. Также был выявлен ряд проблем, которые объясняют противоречивость результатов исследований. Во-первых, нелинейная зависимость переменных и корректность спецификации. Во-вторых, на разных стадиях экономического развития показатель меняется по-разному в зависимости от страновой специфики. В-третьих, механизмы влияния неравенства на экономический рост имеют разнонаправленный эффект, поэтому оценка общего эффекта не вполне корректна.

В настоящей работе последовательно рассматриваются эмпирические работы по оценке влияния неравенства на экономический рост в зависимости от особенностей методов оценивания. Так, подавляющее большинство ранних эконометрических работ, основанных на пространственной выборке, выявляло отрицательное воздействие неравенства на экономический рост, в то время как более поздние работы, оценивающие панельные данные, приводили к противоположным результатам – выявлялась положительная корреляция между неравенством и экономическим ростом¹.

¹ Автор выражает благодарность Е.А.Поспеловой за предоставленные материалы.

Глава 1. Анализ теоретической и эмпирической литературы, посвященной рассмотрению основных каналов взаимодействия неравенства в распределении доходов и темпов экономического роста

1.1 Обзор литературы по неравенству и политике перераспределения

Устройство политико-экономического механизма, связывающего неравенство доходов и экономический рост, следующее: в демократических странах высокое неравенство становится причиной популярности политики перераспределения. Как результат, медианный избиратель предпочитает повышение налоговых ставок на доходы более состоятельных сограждан. Повышение налоговых ставок, однако, приводит к снижению стимулов у инвесторов к вложению капитала в новые проекты. Как следствие уменьшения уровня инвестиций, темпы экономического роста также становятся ниже.

Теоретические и эмпирические предпосылки данного подхода можно найти в работах Perotti [2], Alesina and Rodrik [3], Persson and Tabellini [4]. Так, предметом исследования Алесины и Родрика [3], была взаимосвязь между политическим конфликтом и экономическим ростом в модели эндогенного роста с конфликтом перераспределения [5]. Они рассматривали взаимосвязь между политическим влиянием на группы населения, уровнем налоговых поступлений, государственных инвестиций, перераспределением доходов, с одной стороны, и экономическим ростом, с другой стороны. На основе пространственной выборки из 109 стран исследователи сделали вывод о том, что неравенство в целом негативно влияет на экономический рост (через канал политической экономии: правительство стоит перед выбором между перераспределением и установлением высоких ставок налогов).

Они тестировали модель политической экономии (т.е. влияние неравенства на рост через механизм перераспределения) с помощью регрессии среднего роста ВВП за 1960-1985 годы на переменные, измеренные в 1960 году или ближайшем к нему: уровень ВВП на душу, доля детей, посещающих начальную школу, перераспределение благосостояния. Регрессия оценивалась методом наименьших квадратов (МНК) и двухшаговым МНК (2SLS, причем инструментальные переменные используются для коэффициента Джини, если он был измерен после

1960 года). В результате такого оценивания было обнаружено отрицательное влияние неравенства на экономический рост. При этом они не обнаружили влияния дамми-переменных, описывающих демократичность стран, на характер взаимосвязи неравенства и экономического роста (как в демократических, так и в недемократических странах наблюдается отрицательное влияние неравенства на экономический рост).

Оценка коэффициента при переменной перераспределения доходов имеет ожидаемый отрицательный знак, причем статистически значимый. При отдельном рассмотрении выборки из недемократических стран, знак коэффициента перестает быть статистически значимым. Перераспределение оказывает существенное влияние на экономический рост в демократических странах: экономика стран с более равномерным перераспределением доходов растет более высокими темпами. Причем с ростом доли доходов среднего класса темпы экономического роста увеличиваются. Между тем, увеличение доли доходов нижнего квинтиля населения может не оказывать положительное влияние на экономический рост.

Оценка коэффициентов других переменных - средний уровень ВВП в 1960 г., количество поступивших в начальную школу – также отрицательна и статистически значима.

Исследователи также установили, что воздействие неравенства на экономический рост теряет свою значимость, если в качестве объясняющей переменной включить коэффициент Джини, измеряющий распределение земельной собственности. В результате они обнаружили, что неравенство в отношении земельной собственности оказывает более сильное воздействие на экономический рост, чем неравенство доходов.

Если в модели принять расходы государства за постоянную переменную, то в этом случае экономический рост наблюдается при низких ставках налогов, и темпы экономического роста снижаются при высоких ставках налогов. С другой стороны, при рассмотрении налоговых ставок в качестве постоянной переменной, экономический рост снижается по мере увеличения перераспределения доходов в пользу рабочих.

Демократические страны с неравномерным перераспределением доходов демонстрируют более низкие темпы экономического роста, чем демократические страны с более равномерным распределением доходов. Это объясняется тем, что

большой класс рабочих с небольшим капиталом будет голосовать за высокие налоги на капитал, что в свою очередь будет дестимулировать бизнес к инвестициям. Рабочие меньше заинтересованы в экономическом росте, чем бизнес.

Диктатуры, в которых политика контролируется узкими бизнес-группами, растут быстрее, несмотря на перераспределение. С другой стороны, популистские недемократические режимы демонстрируют низкие темпы экономического роста в силу превалирования политики перераспределения капитала от богатых к более бедным группам населения.

Также было обнаружено, что перераспределение доходов от верхнего квинтиля населения в пользу среднего класса также будет стимулировать экономический рост.

Подход Алесины и Родрика заключается в том, что они делят общество на классы - индивиды, которые получают доход от капитала и индивиды, которые получают доход от собственного труда. Поэтому правительство всегда стоит перед политическим выбором: либо устанавливать высокие ставки налогов и больше перераспределять в пользу рабочих, либо перераспределять расходы правительства между государственными инвестициями и ограничиться единовременными трансферами рабочим.

Политика максимизации экономического роста оптимальна только лишь для государств, правительства которых принимают политические решения в пользу бизнеса.

В демократических странах с высоким уровнем неравенства (в которых работает теория о «медианном избирателе»: при принятии политических решений правительство ориентируется на предпочтения «медианного избирателя») ставки налогов выше, а темпы экономического роста меньше, поскольку такие общества больше перераспределяют. Однако в демократических странах в силу влияния предпочтений медианного избирателя на экономическую политику благосостояние перераспределяется быстрее, увеличиваются доходы среднего класса, что в свою очередь положительно сказывается на темпах экономического роста. То есть, можно сделать вывод о том, что демократические страны с равномерным распределением доходов растут быстрее.

В менее демократичных странах темпы экономического роста зависят от того, какой класс поддерживает правительство: либо перераспределение благосостояния

будет осуществляться в пользу рабочих, но в ущерб экономическому росту, либо в пользу бизнеса и экономического роста, но в ущерб социальной стабильности.

К несколько похожим результатам приходит в своей работе Перотти [2], который провел тщательное изучение различных механизмов, через которые неравенство может оказывать влияние на экономический рост. В целом он приходит к выводу, что первоначальное неравенство оказывает существенное негативное влияние на экономический рост и человеческий капитал.

Перотти рассматривал три основных канала влияния неравенства на экономический рост: налоговая политика, социальная нестабильность, инвестиции в образование. Также он предпринял попытку рассмотрения взаимосвязи между неравенством в доходах, с одной стороны, и инвестициями в человеческий капитал и фертильностью, с другой [2].

В работе Li and Zou [6] пересматривается взаимосвязь между перераспределением доходов и экономическим ростом. Они исходят из предпосылки Алесины и Родрик, в соответствии с которой более равномерное распределение доходов предполагает действие высоких ставок налогов на доходы и низкие темпы экономического роста, в то время как неравномерное распределение доходов будет оказывать неоднозначное влияние на экономический рост [6].

На основе анализа панельных данных (выборка составляет 46 развитых и развивающихся стран, период охватывает 1947-1994 гг.) авторы обнаруживают положительную взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом, что противоречит результатам исследований Алесины и Родрик [3], а также Перссон и Табеллини [4].

В силу ограниченности как данных по коэффициенту Джини (большинство стран имеют менее 10 наблюдений, и только несколько стран имеют более 20 наблюдений), так и панельных данных, Ли и Зоу рассчитывают средние показатели данных за 5-летний период по 46 странам, что позволило сбалансировать панель данных. Если предыдущие исследования основывались на анализе пространственных данных, не обращая внимания на качество данных о коэффициенте Джини и ограниченность выборки, то Ли и Зоу попытались преодолеть эти противоречия.

Ли и Зоу также контролируют в регрессии следующие переменные: логарифм ВВП, норма урбанизации, показатель прироста населения, финансовое

развитие ($M2/VBP$), открытость экономики (доля экспорта в ВВП), доля внутренних инвестиций в ВВП, доля черного рынка, показатель распространения начального образования [7]. Также использовались прокси-данные, обозначающие демократические и недемократические страны. Авторы оценивают четыре вида регрессий: базовая регрессия, регрессия с временными дамми-переменными, регрессия с дамми-переменными, описывающие уровень демократического развития страны, регрессия, учитывающие обе дамми-переменные. Как показали результаты оценивания, во всех четырех видах регрессии коэффициент Джини положительно коррелирован с экономическим ростом, причем знак коэффициента статистически значим. Авторы объясняют это тем, что страны с более равным распределением доходов вынуждены больше перераспределять, что предполагает высокие ставки налогов и низкие темпы экономического роста. Таким образом, экономика с более неравномерным распределением доходов имеет больше шансов к высоким темпам роста.

Также Ли и Зоу обнаружили, что более развитые страны имеют более равномерное распределение доходов, чем развивающиеся страны (для первой группы стран средняя оценка коэффициента Джини составляла 33,51, а для второй – 40,65), но развитые страны имеют более высокие ставки налогов и высокие темпы экономического роста по сравнению с развивающимися странами.

Кроме того, исследователи обнаруживают отрицательную взаимосвязь между человеческим капиталом и экономическим ростом – оценка коэффициента при переменной, описывающей уровень охвата населения начальным образованием, отрицательна и статистически значима, что также не соответствует результатам исследования Алексины и Родрика, которые обнаружили положительную взаимосвязь между указанными переменными.

Столь большие отличия своих собственных результатов от результатов, полученных в предыдущих исследованиях, Ли и Зоу объясняют тем, что в предыдущих работах брался пул стран и средние значения коэффициента Джини за длительный период времени, к примеру, за 30 лет. В то время, как за столь большой промежуток времени коэффициент Джини мог измениться на десятки пунктов (в США коэффициент Джини повышался и понижался на 3,5 п.п. в период с 1950 по 1992 гг., в Великобритании в период с 1977 по 1991 гг. коэффициент Джини повысился на 10 п.п.). Использование панельных данных с пятилетним лагом

позволяет уловить изменение переменных во времени, что приводит к противоречию с более ранними эмпирическими работами по неравенству и экономическому росту.

В свою очередь, попытки протестировать канал «политическая экономия» предпринял Фигини [8], отталкиваясь от теоретической предпосылки, согласно которой высокий уровень неравенства в демократических странах заставляет политические силы прибегать к большему перераспределению, поскольку уровень доходов медианного избирателя ниже среднего и его политические предпочтения будут зависеть от удовлетворения социальных потребностей.

В свою очередь, перераспределение ограничивает экономический рост, поскольку ослабляет активность инвесторов из-за неблагоприятного налогового режима.

Фигини предполагает, что неравенство и перераспределение, будут положительно связаны между собой. Однако автор предполагает также, что перераспределение позволит бедному населению инвестировать и получать бюджетное образование, что говорит о положительном эффекте перераспределения, а именно, об увеличении темпов экономического роста. При учете контрольной переменной, описывающий демократический режим, знак оценки коэффициента при переменной неравенства оказался положительным. В качестве показателя перераспределения использовались налоговые сборы. Фигини, вопреки ожиданиям, обнаружил, что страны с более высоким уровнем неравенства меньше перераспределяют (правительства осуществляют меньше социальных трансферов). Знак корреляции между переменной неравенства и роста оказался отрицательным, хотя никогда не является значимым.

Фигини предполагал получить отрицательный знак при переменной перераспределения в уравнении роста. Однако, как показали результаты оценивания, знак коэффициента при переменной перераспределения не значительно отличается от нуля, хотя и является положительным, если использовать долю налоговых доходов в ВВП, Tax revenue / GDP (см. базу WDI - World Development Indicators) в качестве прокси для перераспределения. и отрицательным, - если использовать данные по предельной налоговой ставке, Marginal Tax Rate. Также Фигини обнаружил, что взаимосвязь между инвестициями и ростом оказалась положительной. Невозможность принять гипотезу влияния перераспределения на экономический рост Фигини объясняет эндогенным характером перераспределения.

Другими словами, страны могут снижать или увеличивать уровень неравенства через перераспределение доходов, поэтому неравенство будет высоким в тех странах, в которых каналы перераспределения слабы, и низким - в тех странах, правительства которых имеют много социальных обязательств перед населением и контролируют уровень неравенства.

Также Фигини тестировал зависимость переменной человеческого капитала от неравенства. Как оказалось, неравенство отрицательно взаимосвязано с переменной, описывающей человеческий капитал: чем большая часть населения охвачена образованием, тем ниже уровень неравенства. Неравенство положительно коррелировано с переменной, описывающей уровень политической нестабильности: чем выше уровень нестабильности в стране, тем выше уровень неравенства. Также положительно неравенство связано с переменной, описывающей рынок капитала (чем лучше развиты финансовые рынки, тем больше возможностей для инвестирования в человеческий капитал и, как следствие, для снижения неравенства).

Перераспределительная и налоговая политика правительства негативно сказываются на росте, поскольку эти факторы напрямую влияют на накопление капитала и инвестиции.

Общества с более равномерным распределением доходов меньше перераспределяют, а значит, имеют более низкие ставки налогов и больше инвестиций для роста.

С другой стороны, общества с более неравномерным распределением доходов имеют большие государственные расходы и более высокие налоги, что, в свою очередь, негативно влияет на инвестиционный климат и экономический рост.

Влияние фискальной политики на экономический рост будет более сильным в странах с демократическим режимом.

Социально-политическая нестабильность препятствует инвестициям по двум основным причинам. Во-первых, создается обстановка политической и правовой неопределенности, что ставит под угрозу защиту прав собственности. Во-вторых, социально-политическая нестабильность негативно влияет на бизнес-активность и трудовые отношения, что сказывается в свою очередь на производительности.

1.1.1 Неравенство доходов, экономический рост и предпочтения медианного избирателя

Устройство политико-экономического механизма, связывающего неравенство доходов и экономический рост, следующее: в демократических странах высокое неравенство становится причиной популярности политики перераспределения. Как результат, медианный избиратель предпочитает повышение налоговых ставок на доходы более состоятельных сограждан. Повышение налоговых ставок, однако, приводит к снижению стимулов у инвесторов к вложению капитала в новые проекты. Как следствие уменьшения уровня инвестиций, темпы экономического роста также становятся ниже.

Хотя в авторитарных режимах индивиды едва ли могут оказывать влияние на власть при помощи выборов, однако, механизм, связывающий неравенство доходов и экономический рост через политику перераспределения, может действовать и там: бедное население может предпочитать более высокий уровень перераспределения и в авторитарных странах, и если режим полагает, что устойчивость его власти зависит от удовлетворения запросов населения, то вероятность включения перераспределительных мер в политику властей становится выше. В отсутствие демократического механизма выборов, а также контролируемых СМИ, режим может использовать другие каналы выявления предпочтений индивидов и стараться удовлетворить их при помощи своей политики. Если такой режим получает информацию о высоком неравенстве и спросе на перераспределение со стороны экономических агентов, то он может увеличить ставки налогов для более состоятельных индивидов, результатом чего, как и в случае с демократическим режимом, может быть снижение стимулов инвесторов к вложению в новые проекты. Как следствие, темпы экономического роста могут замедлиться.

Однако можно предположить, что в авторитарной экономике, в среднем, реакция властей на спрос на политику перераспределения будет слабее, чем при демократическом режиме: каналы получения информации о запросах населения в таких странах гораздо менее совершенны, а возможность для игнорирования запросов граждан, напротив, выше.

Действие этого механизма может оказаться ограниченным и в демократических странах. Политики в неавторитарных государствах часто зависят как от массы своих избирателей, так и от отдельных индивидов, делающих вклад в избирательные кампании политиков [9]. И если среди массы избирателей

большинство может быть представлено бедными гражданами, вероятно предпочитающими больший размер перераспределения доходов, то среди тех, кто жертвует политику крупные деньги, предпочтения, скорее всего, прямо противоположные. В отличие от тех ситуаций, когда у крупного спонсора и у массы бедных избирателей интересы находятся на одной стороне (например, когда и банкиры, и не самые состоятельные индивиды заинтересованы в развитии рынка кредитов для покупки жилья для бедных людей), в случае перераспределения их предпочтения противоположны. Это означает, что политику придется выбирать компромиссное значение налоговой ставки для богатых. Вполне вероятно, что политик выберет такое значение налоговой ставки, которое не окажет значительного влияния на стимулы богатых экономических агентов.

Действие этого политико-экономического механизма должно было бы больше проявляться в тех экономиках, где наряду с высоким уровнем неравенства доходов, зависимость политиков от массы избирателей выше, чем от богатых. Однако в экономиках с высоким уровнем неравенства, влияние более состоятельных индивидов на выбор политических решений, может быть, как раз выше, чем в странах с более равномерно распределенными доходами.

Если решение политика о перераспределении доходов зависит не только от массы избирателей, но и от богатых индивидов, то, вероятно, в стране с более высоким уровнем неравенства сопротивление перераспределению доходов будет более высоким. В последнем случае, богатые индивиды контролируют большую долю в доходах, а, следовательно, во-первых, имеют более высокие стимулы к сохранению статус-кво в распределении доходов, а, во-вторых, могут предложить политикам большую поддержку за сохранение налоговой ставки на более низком уровне. Как результат, в экономике с большим неравенством доходов налоговые ставки на богатых могут, вопреки предсказаниям политико-экономического механизма, быть более низкими, чем в экономике с меньшим уровнем неравенства.

Еще одной серьезной проблемой этого механизма является предположение о совершенно симметричной информации. Чтобы реагировать на уровень неравенства, индивиды должны хорошо представлять себе распределение доходов в стране, а также свое место в этом распределении. На это обстоятельство указывается в работе [10].

Их наблюдение соответствует более широкому контексту информационной асимметрии, в котором одни индивиды знают о распределении какой-либо случайной

величины гораздо больше, чем другие.

В большинстве моделей информационной асимметрии обе взаимодействующие стороны знают о распределении интересующей их случайной величины, однако, лишь одна сторона знает, какое именно значение случайной величины выпало в случае их взаимодействия. Например, и работодатель, и кандидат на должность, проходящий собеседование, знают о том, что квалификация работников может быть высокой или низкой. Таким образом, их знания о составе такой случайной величины, как квалификация, симметричны. Однако работник знает о собственной квалификации гораздо больше, чем работодатель.

Возможна и другая ситуация: о реализации случайной величины известно обоим взаимодействующим сторонам, а вот о распределении этой случайной величины знает лишь одна из них. Как результат, менее информированная сторона может не знать, какое место в распределении случайной величины занимает наблюдаемая реализация.

Например, индивид, не имеющий опыта на каком-то потребительском рынке, может не знать о сравнительных свойствах какого-то товара. Или же, не имея информации о других странах, быть не в состоянии сравнить качество предоставляемых общественных благ внутри страны и за рубежом.

Такого рода информационная асимметрия может быть довольно распространенным явлением, затрагивающим, в том числе, и внутреннее распределение доходов.

Поэтому предположение о том, что граждане симметрично информированы о распределении доходов, а также о месте собственных доходов в этом распределении, может быть слишком сильным.

Однако мы пока не имеем надежного метода, при помощи которого можно определить, насколько хорошо индивиды информированы о распределении доходов. Поэтому мы продолжим тестировать механизм, связывающий неравенство и экономический рост через спрос на перераспределение доходов, используя традиционное предположение о симметрии информации.

В этой работе мы, однако, будем рассматривать влияние неравенства доходов на темпы экономического роста через механизм спроса на перераспределение доходов без разделения на страны с высоким и низким влиянием групп интересов. Напротив, чтобы протестировать влияние демократии на действие этого механизма, мы используем переменную, измеряющую уровень демократии в экономике и

ожидаем, что в демократических государствах политико-экономический механизм будет проявляться больше, чем в авторитарных экономиках.

Мы полагаем, что самым точным показателем уровня перераспределения является разница между неравенством доходов до и после налогообложения. Однако из-за недостаточности данных, нужных для расчета этого показателя, вместо него будет использоваться другая переменная: значение среднего предельного налога. Свойством предельного налога является его искажающее влияние на решения об инвестициях, и именно о влиянии перераспределения на размер инвестиций и говорится в экономической части политико-экономического механизма, связывающего неравенство доходов и экономический рост. Кроме того, как указано в работе [2], распределение доходов связано с прогрессивностью налоговой системы, поэтому предельный налог может сравнительно надежно отражать уровень перераспределения доходов. Также в качестве дополнительных переменных, измеряющих уровень перераспределения в экономике, мы рассматриваем отношение налоговых поступлений к ВВП, а также отношение госрасходов к ВВП.

1.1.2 Неравенство доходов, экономический рост и несовершенство рынка капитала

Согласно модели «рынок капитала», финансовый рынок является каналом перераспределения (подробнее об этой модели см. далее). Развитые финансовые рынки характеризуются доступностью капитала для широких слоев населения. В случае если рынки не развиты, то у населения нет возможности брать займы для инвестиций в человеческий капитал. Поэтому перераспределение будет оказывать положительное влияние на экономический рост [11; 12; 13]

Обратимся к теоретическому исследованию Galor and Zeira [13], рассматривающему неравенство доходов через канал несовершенства рынков капитала и инвестиций в образование. Галор и Зейра [13], указывая на низкую доступность образования для малоимущих, утверждают, что ограничение инвестиций в человеческий капитал тормозит дальнейший экономический рост. Они считают, что даже минимальные расходы на образование порождают хроническое неравенство, загоняя малоимущие домашние хозяйства в ловушку бедности. То есть, в семье, живущей натуральным хозяйством, дети задействованы в процессе производства продуктов питания. Поэтому упущенное время, потраченное на

образование (посещение школы и выполнение заданий), создаст угрозу продовольственной безопасности семьи в целом.

В условиях несовершенного кредитного рынка распределение доходов влияет на доступность образования и выбор профессии, и, как следствие, на устойчивость сегментации рынка труда на квалифицированную и неквалифицированную рабочую силу. Также ограничение доступности кредитных ресурсов влияет на уровень инвестиций в человеческий капитал. Таким образом, в краткосрочной перспективе неравенство может негативно повлиять на макроэкономическую активность и развитие. Кроме того, благодаря наличию преемственности поколений этот негативный эффект на экономический рост может распространиться и на долгосрочную перспективу.

Работа Galor and Ziera относится к исследованиям «новой волны» анализа экономического роста, пионерами которой являются Ромер и Лукас [15]. В работе предпринята попытка поиска причины сохранения различия между странами. В отличие от большинства других работ, авторы которых связывают межстрановое неравенство (по доходам на душу населения) с различиями в применяемых технологиях, Галор и Зиера исходят из предпосылки, что причинами экономического неравенства между странами являются несовершенство кредитных рынков и различия в инвестициях в человеческий капитал.

Галор и Зиера обнаруживают, что для богатых стран характерны небольшие различия в заработных платах и более равномерное распределение доходов, чем в бедных странах.

Наличие большого среднего класса создает для страны хорошие перспективы для экономического роста. Страны с более равномерным распределением богатства растут более быстрыми темпами и имеют выше уровень доходов в долгосрочной перспективе, чем страны с менее равномерным распределением доходов. Это предположение расходится с гипотезой С. Кузнецца, который утверждал, что перераспределение доходов изменяется по мере экономического развития страны. В соответствии с теорией Кузнецца, изменения в перераспределении доходов обусловлены тем, что страны находятся на разных этапах экономического развития.

Субсидируя получение образования населением, правительство инвестирует в экономический рост на долгосрочную перспективу (в следующем поколении), поскольку в этом случае производительность труда квалифицированного

специалиста будет больше, чем неквалифицированного. Рост производительности труда, в свою очередь, приводит к увеличению налогооблагаемой базы (с увеличением оборота, прибыль и доходы компаний также растут). Кроме того, повышение производительности труда приводит к росту оплаты труда, с которой физические лица оплачивают подоходные налоги. Поэтому инвестиции в человеческий капитал нельзя считать невозвратными. Они не только вернутся в бюджет через налоги, но и создадут базу для стимулирования экономического роста.

Богатые будут инвестировать в человеческий капитал и поэтому будут оставаться богатыми. Бедные страны, в силу несовершенства кредитных рынков и ограничения бюджетных ресурсов (субсидирование правительством системы образования), не имеют возможности инвестировать в образование младшего поколения, поэтому будут оставаться на том же уровне экономического развития. Поэтому изначальное распределение благосостояния влияет на экономику как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах.

Galor и Zeira выдвигали гипотезу о влиянии неравномерности распределения доходов на деловую активность и экономический рост. В своей работе они продемонстрировали, что при несовершенном кредитном рынке и необходимости постоянных инвестиций в человеческий капитал перераспределение доходов имеет долгосрочный эффект как на инвестиции в человеческий капитал, так и на совокупный доход и экономический рост. В отличие от классической гипотезы (Калдор), в которой подчеркивался положительное влияние неравенства на экономический рост, в работе Галора и Зиера выдвигается предположение о том, что неравенство в условиях несовершенных кредитных рынков может оказывать отрицательное воздействие на накопление человеческого капитала и экономический рост.

Galor and Ziera [13] разработали модель равновесия для открытых экономик с учетом межпоколенных различий. Исследователи делят жизнь на два периода. В ходе первого периода происходит накопление человеческого капитала через получение образования, но не происходит накопление материального капитала, поскольку в этом периоде человек может быть занят только неквалифицированным, низкооплачиваемым трудом. В ходе второго периода происходит обмен накопленного человеческого капитала, полученного в ходе образования, на

материальный капитал в соответствии с уровнем образования и приобретенного опыта.

Причем исследователи исходят из предпосылки, что индивиды одинаковы по потенциалу навыков, способностей и предпочтений, а отличаются по унаследованному благосостоянию. Распределение благосостояния в свою очередь определяет уровень инвестиций, в том числе, в человеческий капитал, а, следовательно, от этого фактора зависят уровень образования, приобретенные навыки и потенциальный доход. В работе демонстрируется, что экономическая динамика поколений зависит от изначального уровня благосостояния. Так, более богатые семьи имеют больше преимуществ для инвестиций в человеческий капитал своих детей, чем бедные семьи, которые вынуждены заниматься низкооплачиваемым неквалифицированным трудом. Таким образом, перераспределение благосостояния, имеет как краткосрочные, так и долгосрочные последствия.

Исследователи исходят из двух предположений. Во-первых, в условиях несовершенства рынков процентные ставки для физических лиц выше, чем для кредиторов. Во-вторых, инвестиции в человеческий капитал являются неделимыми и оказывают влияние на экономический рост в долгосрочной перспективе, в отличие от перераспределения богатства, которое оказывает влияние на экономическую активность в краткосрочной перспективе в силу предположения о несовершенстве кредитных рынков. Наличие изначального капитала (к примеру, доставшееся по наследству) позволяет инвестировать в человеческий капитал, не прибегая к дорогим кредитным ресурсам. Влияние распределения богатства на объем инвестиций в человеческий капитал было показано в работе Лоури [14], который предположил, что эффект неравномерного перераспределения богатства на экономику ослабевает в долгосрочной перспективе благодаря кредитному рынку.

Кроме того, в рамках исследований взаимодействия несовершенства кредитного рынка и неравенства важное место отводится анализу отношения между сегрегацией и устойчивым неравенством. Эти исследования показали, что при наличии несовершенного кредитного рынка усиливается сегрегация в различных сообществах, и таким образом, при наличии локальных экстерналий в воспроизводстве человеческого капитала это может создавать устойчивый разрыв в уровне образования и доходах [16; 17].

В соответствии с моделью «несовершенного рынка капитала», разработанной Агийоном, Кароли и Гарсией-Пеньялосы [18], неравенство замедляет формирование человеческого капитала, поскольку доходность инвестиций богатых сравнительно низка, а малоимущие, даже при наличии высоко прибыльных проектов, не в состоянии вложить в них больше, чем у них есть, поскольку из-за несовершенства рынков капитала кредитование для них недоступно.

Так, в условиях несовершенства кредитных рынков, неравенство в распределении благосостояния приводит к снижению темпов экономического роста. Перераспределение капитала от богатых (чьи предельные возможности инвестирования в производство относительно высоки, но они не больше, чем их ограниченные фонды) к бедным (чьи предельные возможности инвестирования низкие в силу уменьшения отдачи от индивидуальных капиталовложений) позволит повысить совокупный объем производительности труда и, следовательно, роста. То есть, в условиях несовершенных кредитных рынков перераспределение создают инвестиционную возможность, что в свою очередь увеличивает совокупный объем выпуска и ускоряет темпы экономического роста.

Более того, как утверждают Aghion and Bolton [11], несовершенство рынков капитала приводят к накоплению неиспользованных производственных возможностей - накопленные свободные денежные средства граждан, которые не готовы их инвестировать в условиях неравного доступа к инвестиционным возможностям. В противном случае, свободные средства граждан могли бы быть задействованы в экономке и стимулировать рост.

Несовершенство кредитных рынков ограничивает инвестиции в человеческий капитал, что в свою очередь отрицательно сказывается на экономическом росте в долгосрочной перспективе. Развивающиеся страны не могут позволить инвестиции в человеческий капитал в силу высокой их стоимости и низкой отдачи в краткосрочной перспективе. Если как утверждает Роберт Лукас [15], человеческий капитал определяет темпы экономического роста, то неравенство инвестиций в образование отрицательно сказывается на темпах экономического роста.

Одним из факторов ограничения кредитного рынка – плата за риск. Причем это ограничение распространяется не только на инвестиции в производственные фонды, а также и на вложения в человеческий капитал и научно-исследовательскую деятельность. Заемщики зависят от успеха того или иного проекта, поскольку от

этого зависит не только возврат инвестиций, а также возможность увеличить кредитные ресурсы для будущих проектов. С учетом фактора риска, перераспределение ресурсов от кредиторов к заемщикам может дополняться перераспределением со стороны государства.

Если перераспределение финансировалось через искажающее налогообложение, то эффект от таких трансферов будет снижаться. Высокие налоги снижают чистую прибыль, что снижает стимул к инвестициям у заемщиков.

Если рассматривать неравенство как фактор, характеризующий ограничение доступа не только к материальным ресурсам, но и социальным, инфраструктурным, то традиционная политика перераспределения через субсидии и трансферы не решит проблемы отрицательного воздействия неравенства на экономический рост. Как утверждают авторы, перераспределение должно касаться институциональных факторов. Реализация такой политики, очевидно, более сложный процесс, чем обычное перераспределение через субсидии, пусть даже имеющие адресный характер.

Перотти, отталкиваясь от работы Galor и Zeira, в которой делается вывод о влиянии неравенства на инвестиции в человеческий капитал через канал несовершенных кредитных рынков. Более бедные индивиды ограничены в возможности инвестирования в образование своих детей, что оказывает большое влияние на экономику в целом. Более равномерное распределение доходов приводит к увеличению возможностей индивидов к инвестированию в человеческий капитал. Таким образом, экономический рост увеличивается по мере увеличения инвестиций в человеческий капитал.

Общества с более равномерным распределением доходов населения имеют низкий уровень фертильности и высокие показатели инвестиций в образование. Оба фактора положительно влияют на экономический рост. Также обществам с высоким уровнем неравенства характерна политическая и социальная нестабильность, что отражается на низком уровне инвестиций и как следствие на темпах экономического роста. Однако Перотти не подтвердил гипотезу относительно того, что общества с более равномерным распределением доходов, как правило, с развитыми демократическими институтами, растут быстрее, поскольку они стимулируют больший спрос через институты перераспределения, о чем утверждали Алесина и Родрик [5].

Чтобы проверить эту гипотезу и определить роль кредитных рынков, Барро использует соотношение показателя денежного агрегата $M2^{2)}$ к ВВП, как индикатор уровня финансового развития. Однако индивидуальный и совместный эффекты оказались незначительными. Барро объясняет это отсутствием качественных данных о показателе $M2$ в бедных странах.

Доля государственных расходов отрицательно соотносится с экономическим ростом, положительно коррелируется с субъективным индексом верховенства права.

При тестировании модели «рынок капитала» Фигини исключает из рассмотрения переменную, описывающую человеческий капитал, поскольку в модели «рынок капитала» переменная человеческого капитала эндогенна неравенству, в то время как переменная, описывающая кредитный рынок - экзогенная неравенству.

Фигини тестирует модель рынка капитала через два уравнения. В первом уравнении он предполагает, что несовершенство кредитных рынков повышает уровень неравенства в силу ограничения инвестиций в человеческий капитал. В итоге он получил ожидаемый отрицательный знак при переменной неравенства, однако и оценка коэффициента при переменной «рынок капитала» имеет также отрицательный знак, а не положительный. Во втором уравнении он тестирует взаимодействие между инвестициями в человеческий капитал и экономическим ростом, и получает подтверждение предположения о том, что инвестиции в человеческий капитал усиливают экономический рост.

Таким образом, видно, что перераспределение в механизмах «политической экономии» и «кредитных рынков» играет противоположные роли. Высокое перераспределение означает обеспечение реализации социальных услуг в области здравоохранения и образования, что, в свою очередь, является инвестициями в человеческий капитал и будущий рост.

Стимулы для накопления капитала зависят от способности индивидов получать плоды от своих усилий, которые в свою очередь зависят от налоговой и регулятивной политики. В обществах, в которых перераспределительный конфликт обострен, политические решения в области экономики приводят к снижению

²⁾ $M2$ состоит из денежной массы ($M1$) и депозитов в коммерческих банках, а также краткосрочные государственные ценные бумаги.

получения предпринимателями прибыли, низкой отдаче от инвестиций, что в свою очередь влияет на темпы экономического роста, поскольку бизнес меньше инвестирует в экономику. Экономический рост также влияет на политические институты, поскольку через политический процесс достигается консенсус между группами интересов.

Теоретический механизм, связывающий неравенство доходов и темпы экономического роста через рынок капитала, основан на предположении об убывающей отдаче от инвестиций. Проекты богатых индивидов получают достаточное финансирование, и поэтому отдача от дополнительных вложений в эти проекты сравнительно невелика. В то же время финансовые потребности бедных индивидов остаются неудовлетворенными: так как бедным индивидам не хватает собственного капитала, чтобы разделить риск с кредиторами, последние отказывают бедным экономическим агентам в финансировании. Как результат, проекты бедных индивидов в среднем остаются недофинансированными и потому могут дать более высокую отдачу по сравнению с проектами состоятельных экономических агентов.

В истории об отрицательном влиянии неравенства доходов на темпы экономического роста через механизм несовершенства финансового рынка часто предполагается, что существующий финансовый сектор недостаточно развит, т.е. недостаточно совершенен для того, чтобы обслуживать финансовые потребности бедных экономических агентов. Такое предположение может стать причиной заслуженной критики. Почему на финансовый рынок указывают как на причину недостаточного финансирования проектов бедных экономических агентов, если тот работает на пределе своих возможностей? Мы же, например, не ругаем авиа или железнодорожные компании за то, что те отказываются предоставлять небогатым индивидам бесплатные услуги? Бедные экономические агенты не имеют доступа к очень большому количеству товаров и услуг, которые потребляют индивиды, принадлежащие к более состоятельным группам. Зачем говорить о несовершенстве, если финансовый рынок работает на пределе технологической границы, и еще большее совершенство может быть лишь воображаемым: бедные не получают кредитов потому, что у банков еще нет более продвинутых технологий, которые снижали бы риски кредитования менее состоятельных индивидов?

Однако в таком рассуждении предполагается однородность развития финансового рынка среди экономик. Последнее, однако, слишком далеко от действительности: во многих странах, ввиду разных причин, финансовые рынки

работают совсем не на передовой технологической границе. Одной из причин низкой эффективности финансового сектора могут быть ограничения, действующие на финансовом рынке, в результате которых новым компаниям или индивидам с инвестиционными проектами отказывают в предоставлении финансирования. Последнее может быть следствием технологической отсталости национальной финансовой системы или ее подчиненности группам специальных интересов.

Например, финансовые организации могут контролироваться существующими крупными компаниями, которые стараются ограничить доступ новых производителей, т.е. их, старых компаний, конкурентов, к финансовым ресурсам. По тем же самым причинам, в такой экономике доступ на финансовый рынок может быть ограничен и для международных банков. Но результатом этих недостатков в конечном счете становятся слишком высокие ограничения для получения финансирования для значительной части индивидов и компаний.

Кроме того, в развивающихся странах качество институтов, следящих за исполнением контрактов, или содержание правил, регулирующих использование залога, нередко остается невысоким, результатом чего также может быть небольшой размер финансового рынка в экономике. Сложности с принуждением к исполнению контрактных обязательств создают высокие риски для финансовых организаций, в результате чего те сокращают масштабы кредитования и размеры финансового рынка.

Из-за действия этих причин, национальные банки могут ограничивать размер кредитования, например, финансируя в основном уже существующие крупные компании и неохотно кредитовать большую часть населения, а также менее крупные компании. Банки могут использовать устаревшие технологии, позволяющие им выдавать кредиты в основном наиболее состоятельным и надежным заемщикам, оставляя при этом значительную часть населения за бортом кредитования.

Таким образом, во многих странах, в том числе и в некоторых развитых экономиках, несовершенство финансовых рынков представляет из себя их функционирование ниже предела эффективной границы. Вероятно, в таких странах необходимо сконцентрировать усилия не на перераспределении доходов, а на развитии финансовой системы.

Предположим, в экономике выдается мало кредитов не столько потому, что в ней много бедных индивидов, которым финансовые организации предпочитают не выдавать кредитов, сколько из-за того, что существующие в ней крупные компании

не заинтересованы в развитии финансового рынка. Например, развитию финансового рынка могут мешать компании, уже существующие на рынке продолжительное время, потому что доступ к капиталу облегчает вход на рынок их конкурентам, и, как результат, прибыли старых компаний могут снизиться, если на рынке будет работать больше фирм [19].

Предположим, что речь идет именно о такой экономике: в ней действует сравнительно небольшое число компаний, получающих высокие прибыли и использующих часть этих прибылей для ограничения развития финансового рынка. Такая экономика, с одной стороны будет, по всей видимости, характеризоваться сравнительно небольшими размерами, а также относительно невысоким уровнем занятости. С другой стороны, уровень концентрации доходов в этой экономике будет, напротив, высоким и доходы, включая прибыли и зарплаты, будут, вероятно, сконцентрированы как раз в тех самых крупных компаниях, которые прикладывают усилия для ограничения конкуренции.

Как результат большего числа безработных, а также концентрации доходов в действующих компаниях, свойством такой экономики, вероятно, будет сравнительно высокий уровень неравенства. В то же время из-за ограничения конкуренции размер этой экономики будет сравнительно небольшим. Таким образом, все три свойства, которые упоминаются в типичной истории о несовершенстве рынка капитала как механизма, из-за которого неравенство доходов негативно влияет на экономический рост, можно наблюдать и в этой ситуации. В экономике сравнительно высокое неравенство, низкий экономический рост или сравнительно низкий уровень подушевого ВВП, а также плохо развитый финансовый рынок.

Стандартное предписание, которое предлагается в работах, устанавливающих связь между неравенством доходов и экономическим ростом через механизм несовершенства финансовых рынков, заключается в перераспределении доходов в пользу бедных индивидов. Однако в той экономике, которая была описана выше, такой рецепт может не сработать: если занятостью большинства бедных индивидов в этой стране является наемный труд, то перераспределение доходов в пользу бедных экономических агентов не сможет значительно увеличить количество рабочих мест. Чтобы рабочих мест стало больше, нужно преодолеть сопротивление индустриальных групп интересов, сдерживающих развитие финансового сектора и выход новых компаний на рынок. Если последнее будет достигнуто, новые фирмы смогут получить доступ к финансированию, инвестировать и начать производство,

результатом чего станет увеличение количества рабочих мест и рост экономики.

В такой ситуации, как мы видим, впечатление, состоящее в том, что неравенство доходов влияет на экономический рост через механизм несовершенства финансового рынка, является кажущимся. Незначительный размер финансового рынка может быть не проблемой спроса на этом рынке, а проблемой предложения, то есть недостаточного развития финансовой системы. Неравенство в этой истории может быть не экзогенной, а эндогенной переменной. Как уже упоминалось выше, оно может быть результатом высокого уровня безработицы и концентрации доходов в тех крупных компаниях, которые пытаются предотвратить выход новых компаний на рынок и ограничить конкуренцию. Как и экономический рост, высокое неравенство может быть результатом низкого уровня развития финансового сектора. В то же время в истории о связи неравенства доходов и экономического роста через механизм несовершенства финансовых рынков высокое неравенство является экзогенной переменной, определяющее недостаточное распространение финансовых услуг и, как результат, низкому уровню инвестиций и сравнительно небольшим темпам экономического роста.

Использование перераспределения доходов в такой ситуации, скорее всего, приведет к тому, что значительная часть бедного населения, не имеющая инвестиционных идей, временно переместится в более высокие доходные перцентили за счет полученных субсидий. Однако есть основания сомневаться, что такие экономические агенты смогут закрепиться на новых уровнях доходов, и как только перераспределительная политика будет ослаблена или вовсе отменена, они снова станут беднее. Ведь в результате перераспределения доходов в экономике не становится больше компаний и рабочих мест, а, следовательно, основная проблема остается нерешенной.

В этой работе, для измерения несовершенства рынка капитала мы будем использовать несколько показателей. Для измерения уровня финансовой инклюзивности часто используются показатели, отражающие доступность кредитования. Например, это количество банковских счетов на 1000 населения, число отделений банков на 100 000 индивидов или доля небольших фирм открытой кредитной линией. МВФ и Всемирный банк пополняют базы данных, используя которые можно составить эти показатели, однако историческая продолжительность рядов данных очень невелика и позволяет сделать лишь перекрестное исследование. Поэтому мы используем другие переменные, приблизительно измеряющие уровень

развития сектора финансовых услуг. Одной из таких переменных является отношение разницы между денежным агрегатом M2 и к ВВП. Еще одним показателем развития финансового рынка является contract intensive money, $\frac{M2-C}{M2}$. Как указывается в работе [20], отношение M2 к уровню ВВП лучше измеряет такое свойство финансового рынка, как возможность диверсификации риска, а contract intensive money отражает институциональные свойства, например, защиту прав собственности. Мы будем использовать эти отношения для оценки механизма влияния неравенства доходов на темпы экономического роста через несовершенство финансового рынка.

Так как уровень неравенства может оказаться эндогенной переменной, на которую влияет недостаточное развитие финансового рынка, нам необходимо найти переменные, которые коррелировали бы с неравенством доходов, но не коррелировали бы с институциональными переменными, влияющими на неравенство, например, с уровнем рыночной концентрации в экономике. Это сложная задача, потому что многие экономические и социальные переменные, связанные с неравенством, могут быть также связаны и с уровнем рыночной концентрации. Поэтому переменную, возможно, надо искать среди естественных, природных свойств экономики. Такая стратегия, несмотря на кажущуюся необычность, может быть вовсе не лишена смысла. В экономике с высокой рыночной концентрацией, крупные компании могут быть находиться в добывающем и индустриальном секторах, в то время как многие индивиды, не работающие в крупных компаниях, могут заниматься сельским хозяйством ради выживания. Природные, естественные переменные могут быть не связаны со структурой экономики: в современном мире диверсифицированную экономику можно создать в любом климате. Однако природные свойства страны могут повлиять на эффективность сельского хозяйства, то есть оказать воздействие на один из секторов экономики. Неблагоприятные природные явления могут негативно повлиять на размер урожая, сократив его и сделав бедные домохозяйства еще беднее. При этом, несельскохозяйственные сектора, такие как добыча природных ресурсов и индустрия, могут быть никак не затронуты некоторыми природными явлениями. Как результат природных изменений, уровень неравенства становится выше. Например, таким природным явлением могут быть осадки: их систематический дефицит может стать причиной засухи, сокращения уровня урожая и роста бедности. Как результат,

в странах с систематически более редкими осадками неравенство может быть выше, при этом с уровнем рыночной концентрации экономике осадки никак не коррелируют. Уровень осадков использовался в качестве инструмента в работе [21], которые изучали взаимосвязь между гражданскими конфликтами и бедностью.

Этот взгляд можно изложить иначе. В работе [22] делается предположение о том, что неравенство становится результатом индустриализации. Так как промышленные компании располагаются в городах, результатом индустриализации становится урбанизация, миграция индивидов из деревень в города. В более богатой индустрии доходы выше, чем в аграрном секторе, поэтому те экономические агенты, кто еще не перебрался в город, остаются бедными. Как результат, в экономике устанавливается неравенство.

В соответствии с предположением Кузнецца, высокое неравенство является временным явлением: продолжающаяся миграция из деревень в города приводит к сокращению уровня неравенства, потому что в более бедных деревнях остается все меньше индивидов и предельная производительность труда в аграрном секторе становится выше, в результате чего доходы в городах и деревнях выравниваются. Предположим, однако, что процесс индустриализации остановился: индустриальные компании, которые возникли на рынке первыми, прикладывают успешные усилия для того, чтобы не допускать на рынок новые фирмы. Как результат, большая часть экономических агентов продолжает работать в сельском хозяйстве и уровень неравенства становится устойчиво высоким. В результате каких явлений уровень неравенства может стать еще выше? Одна из причин - низкий уровень урожайности в сельском хозяйстве, ставший результатом неблагоприятных природных явлений, например, дефицита осадков. Количество осадков, однако, никак не коррелирует со структурой экономики: доля сельского хозяйства велика, а промышленности, напротив, низка из-за успешных лоббистских усилий групп специальных интересов.

Если систематичность осадков окажется не слишком хорошим инструментом, мы планируем ограничиться проверкой результата оценки механизма, связывающего неравенство доходов и экономический рост через несовершенство финансового рынка, на устойчивость, протестировав влияние альтернативных механизмов, связывающих неравенство доходов, экономический рост и несовершенство финансовых рынков (в частности, влияние переменных, связанных с денежным агрегатом $M2$, например $\frac{M2-C}{M2}$ или отношение $M2$ к ВВП, на уровень неравенства

доходов). Если причиной низких темпов экономического роста является не неравенство, а плохое развитие финансовых рынков, то свойством таких экономик может также являться высокий уровень рыночной концентрации, или низкий уровень торговли экономики с другими странами. Как указывается в работе [24], доступ международных компаний на внутренний рынок сокращает прибыли крупных внутренних производителей, делая дальнейшее сдерживание развития финансовых рынков бессмысленным. Наоборот, из-за возросшей конкуренции национальным компаниям теперь требуются большие финансовые ресурсы, так что часть из них может изменить свое поведение и поддерживать развитие финансового рынка. Мы, таким образом, планируем проверить, используются ли в странах с высоким уровнем неравенства, низкими темпами экономического роста и плохим развитием финансовых рынков также и ограничения на международную торговлю.

1.1.3 Неравенство доходов, экономический рост и социальная нестабильность

Неравенство в распределении доходов негативно сказывается на экономическом росте через канал социально-политической стабильности. Например, высокий уровень неравенства может стать причиной социальных потрясений и роста преступности, а это, соответственно, может усилить неуверенность в ожиданиях инвесторов, подрывая имущественные права, повышая транзакционные издержки и расходы на меры безопасности и замедляя рост.

Алесина и Перотти [3;5] также считают, что высокий уровень неравенства приводит и к политической нестабильности, и к социальным конфликтам. Первая ведет к меньшим инвестициям и эффективности принятия политических решений (например, при необходимости реформ или внешних шоках), вторые - к отвлечению ресурсов на покрытие затрат как на преодоление последствий конфликтов, так и их предотвращение.

В свою очередь Woo [24] вносит вклад в теоретическое осмысление влияния политической нестабильности, поляризации общества на формирование бюджетного дефицита, исполнение бюджета по доходам и расходам, а также на снижение темпов экономического роста. Автор приходит к выводу, что политическая нестабильность и социальная поляризация приводят к снижению собираемости налогов и слабому экономическому росту.

Woo рассматривает общество, которое разделяется на две представительные группы. Разделение может происходить по различным принципам: либо по принадлежности к основным фондам - рабочие и собственники, либо по политическим предпочтениям – левые и правые политические партии, либо по месту проживания – городское и сельское население, либо по принадлежности к двум представительным этническим группам. Каждая представительная группа способна оказывать политическое влияние на принятие решений в отношении перераспределения государственных расходов. В случае, когда та или иная группа не согласна с решением правительства по поводу перераспределения ресурсов, то она начинает оказывать влияние на другую группу, создавая политическую нестабильность, что препятствует достижению социально значимого результата и приводит к бюджетному дефициту.

Экономике государства с высокой степенью поляризации характерны большие колебания бюджетных расходов на фоне снижающихся фискальных доходов. В условиях социальной нестабильности правительства предпочитают проводить популистскую бюджетную политику, направленную на снижение градуса социальных настроений среди населения. Причем, как предполагает Woo, государственные расходы будут расти пропорционально объему падения налоговых поступлений.

Экономический рост также зависит от поляризации и политической неопределенности. Фискальный дефицит, возникший в результате поляризации и политической нестабильности, приводит к неэффективному накоплению капитала в частном секторе без последующего инвестирования в реальный сектор. Рост государственных расходов негативно сказывается на настроениях инвесторов, которые не готовы вкладывать в экономику при условии, что государственные ресурсы будут тратиться в целях максимизации производства общественных благ для подавления политической нестабильности. В свою очередь, незадействованные в реальном секторе капитальные ресурсы потенциально приводят к снижению налоговых поступлений.

Автор предполагает, что сгладить влияние социальной поляризации и политической нестабильности на государственные расходы и бюджетный дефицит способны бюджетные правила и эффективная институциональная структура, поскольку влияние социальной поляризации особенно сильное в условиях слабых

институтов. К примеру, фискальная децентрализация может привести к противоположным результатам в условиях политической нестабильности и слабости институтов. В стране, где общество сильно поляризовано, децентрализация фискальной политики может привести к усилению напряженности между центральным правительством, регионами и различными группами, что в свою очередь окажет негативное влияние на макроэкономическую стабильность [24].

Фигини также проверяет гипотезу, предложенную Кнеллом [24], которая предполагает, что взаимосвязь между экономическим ростом и неравенством может быть более сильной в богатых странах. Он формулирует модель, в которой социальные предпочтения играют ключевую роль: политическая активность индивидов зависит не только от уровня личного потребления, но и среднего уровня потребления некоторой референтной группы. В обществе, для которого характерен высокий уровень неравенства, бедные домохозяйства стремятся добиваться от властей реализации перераспределительной политики, чтобы сократить разрыв с богатыми. Однако это негативно сказывается на экономическом росте, поскольку ограничивает инвестиции.

Кнелл выделяет три фактора влияния неравенства на экономический рост: выбор референтной группы, степень убывающей отдачи от инвестиций и силу будущих социальных отличий референтной группы относительно существующих в настоящее время.

Влияние неравенства на рост будет выше в обществах с существенными социальными отличиями, поскольку референтная группа будет стремиться увеличить потребление за счет перераспределения в ущерб инвестициям и экономическому росту в долгосрочной перспективе.

Тестируя эту гипотезу, Фигини в одном уравнении предполагает, что уровень неравенства определяет степень социальной нестабильности. В другом он предполагает, что социальная нестабильность влияет на уровень инвестиций и, следовательно, на экономический рост. В первой регрессии автор ожидает, что знак оценки коэффициента при переменной неравенства будет положительным, а коэффициента при переменной политических институтов - отрицательным. По итогам оценивания оказалось, что коэффициент при переменной политических институтов, включенной в базовую регрессию, имеет отрицательный знак, что соответствует гипотезе автора.

Вместе с тем, результаты тестов Фигини отличаются от предыдущих теоретических изысканий. В то время, как политическая нестабильность рассматривается как препятствие для экономического роста, низкая статистическая значимость коэффициентов переменных бросает сомнение на обоснованность модели.

Кроме того, взаимосвязь между неравенством и политической нестабильностью (используются дамми переменные) неявная. Оценка коэффициента при переменной, описывающей политическую нестабильность, оказывается отрицательной. Но при добавлении в уравнение других переменных (кредитные рынки, рождаемость и т.д.) значимость переменной политической нестабильности снижается. Фигини приходит к выводу, что социальная и политическая нестабильность являются важными переменными, которые влияют на экономический рост, но взаимосвязь роста с неравенством является неявной.

Итак, при анализе пространственной выборки стран Фигини приходит к выводу о том, что неравенство отрицательно влияет на экономический рост. Однако это не означает, что политика по снижению уровня неравенства обязательно может привести к повышению темпов экономического роста.

При разделении выборки на подвыборки из демократических и недемократических стран, из бедных и богатых стран Фигини отвергает гипотезу о том, что взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом более устойчива в одних странах, чем в других. Между тем, характер взаимосвязи меняется, когда учитывается региональная спецификация стран. Это говорит о том, что культурные, институциональные различия между странами имеют гораздо более важное значение при оценке влияния неравенства на экономический рост.

Принципиальное значение имеют инструменты измерения неравенства. Так, если в регрессии используются переменные неравенства, измеренного при помощи коэффициента Джини, то коэффициент при переменной Неравенства будет иметь отрицательный статистически значимый знак. Менее устойчивый знак корреляции получается при использовании в анализе индекса неравенства, вычисленного по квинтилям дохода на душу населения. Это говорит о том, что различные подходы к измерению неравенства могут искажать оценку влияния неравенства на экономический рост.

При проверке канала «политическая экономия» не подтверждается устойчивая взаимосвязь между неравенством и перераспределением, а также между перераспределением и экономическим ростом. Также не подтверждается гипотеза о том, что в связи между неравенством и экономическим ростом отличается в зависимости от уровня экономического развития страны, а также от демократичности режима. Политэкономическая модель не подтверждается данными, когда выборка разделяется на две категории стран: демократические и недемократические. Для 31 демократической страны, данные по которым были доступны, неравенство не является значимым. Также для недемократических стран неравенство не является значимым показателем. Такие результаты идут вразрез с гипотезой Перотти [2], утверждавшим, что демократические страны больше перераспределяют, что сказывается на экономическом росте.

Канал «кредитных рынков» оказался более эффективным для объяснения влияния неравенства на экономический рост. Высокий уровень неравенства приводит к недостаточному инвестированию в человеческий капитал, который положительно взаимосвязан с экономическим ростом.

Хорошо развитые кредитные рынки позволяют преодолеть проблему неравенства и дают возможность бедным семьям инвестировать в человеческий капитал, что положительно влияет на экономический рост. Анализ Фигини подтверждает полученные ранее Перотти [2] результаты, в соответствии с которыми страны с высоким уровнем неравенства и несовершенными кредитными рынками приводят к высоким показателям фертильности и низким темпам экономического роста.

Фигини предлагает пересмотреть теорию о перераспределении, в соответствии с которой страны, которые больше перераспределяют, имеют более низкие темпы экономического роста, чем те страны, которые делают ставку на поддержку бизнеса.

Высокий уровень неравенства не обязательно будет заставлять правительства больше перераспределять в пользу бедных, большее перераспределение не означает меньше инвестиций (как предполагает модель «Политическая экономия»), также положительный знак корреляции между перераспределением и инвестициями в человеческий капитал статистически не значим (как предполагала модель «кредитных рынков»).

Модель, рассматривающая политические институты в качестве канала влияния неравенства на экономический рост, полностью не подтверждается статистическими данными. Не всегда странам с высоким уровнем неравенства свойственна политическая нестабильность, хотя социально-политическая нестабильность негативно и статистически значимо связана с экономическим ростом.

Фигини приходит к выводу, что модель, рассматривающая человеческий капитал и фертильность в качестве каналов влияния неравенства на экономический рост, лучше всего подтверждается данными.

Истерли [25] эмпирически тестирует теоретическую предпосылку о том, что этническая разобщенность и высокий уровень неравенства приводят к низким темпам экономического роста.

На основе оценки пространственной выборки Истерли делает вывод о том, что для обществ с высокой долей доходов среднего класса и низкой степенью этнической поляризации характерны высокие темпы экономического роста, более развитые системы образования и здравоохранения, инфраструктура, более эффективная экономическая политика, отсутствие политической нестабильности, гражданских войн и большая демократичность [25].

Автор включает в регрессию следующие переменные: экономический рост, доходы, накопление человеческого капитала, этническая разобщенность и неравенство/

Исходя из теоретической предпосылки, сформулированной Engerman-Sokoloff [26], согласно которой страны-экспортеры сырья имеют высокий уровень неравенства доходов, Истерли [25] в своих расчетах не отвергает эту гипотезу.

Истерли проверяет влияние доли дохода среднего класса и этнической разобщенности (дамми переменные) на экономический рост. Он обнаруживает, что увеличение доли доходов среднего класса на 7 п.п. приводит к увеличению доходов населения на 3,4 п.п. Влияние этнической разобщенности на экономический рост также значимо: увеличение этнической разобщенности на одно стандартное отклонение приводит к снижению доходов на 0,25 стандартного отклонения.

Общества с высокой долей доходов среднего класса будут выбирать политику, стимулирующую экономический рост, напротив, общества с социальной

поляризацией и этнической разобщенностью будут делать ставку на политику перераспределения.

Более поляризованные общества менее демократичны, поскольку в них наблюдается борьба за перераспределение ресурсов, что влечет риск экономической и политической дискриминации со стороны влиятельных групп. Поляризованным обществам характерна политическая нестабильность, риск конституциональных изменений, что нехарактерно для обществ с высокой долей доходов среднего класса.

Проведенный анализ эмпирических работ, исследующих влияние неравенства на экономический рост, убедительно показывает, что невключение в модель существенного регрессора приводит к смещению оценок коэффициентов регрессии. Кристина Форбс [27] попыталась разрешить это противоречие путем включения в регрессию индивидуальных страновых и временных эффектов, что позволяет контролировать несмещенные во времени характеристики, важные для данной зависимости и неучтенные в списке регрессоров.

Вместо оценивания панели с детерминированными и случайными индивидуальными эффектами, которые являются некорректными в случае присутствия лагового дохода как регрессора, Форбс [27] предлагает оценивать регрессию с помощью общего метода моментов (GMM, ОММ-оценки). Форбс использует переменные аналогичные тем, которые применялись Перотти [2] – лаговый ВВП на душу, среднее количество лет среднего образования во взрослом населении среди мужчин и женщин, уровень цен на инвестиционные товары, коэффициент Джини по доходам и дамми для стран и периодов времени.

Результаты исследования К. Форбс сделали вызов традиционным представлениям о том, что неравенство оказывает негативное влияние на экономический рост. Предыдущие работы были ограничены возможностями пространственными измерениями неравенства. Форбс, наряду с пространственными данными, проводила оценивание панельных данных, чтобы контролировать упущенные постоянные или мало изменяющиеся переменные. В работе Форбс оценивается, как изменения в неравенстве связаны с изменениями в росте внутри отдельной страны [27]. Результаты Форбс показали, что в краткосрочном (5 лет) и среднесрочном (10-15 лет) периодах увеличение уровня неравенства доходов оказывает положительное влияние на экономический рост (оценка коэффициента

положительна и статистически значима). Однако это может оказаться не применимо для развивающихся стран.

При этом, если делить страны по уровню дохода на более и менее богатые (используя три разных уровня отсечения), и использовать другие спецификации из литературы по росту (а также если менять структуру выборки и определения переменных), то зависимость остается в большинстве случаев положительной.

Тесты на чувствительность модели Форбс показали, что оценки МНК коэффициента при переменной неравенства на экономический рост на пятилетнем периоде оказались незначимы. При включении в модель страновых эффектов знак оценки коэффициента переменной неравенства становится положительным и статистически значимым (на 5-процентом и 10-процентом уровнях значимости). Это означает, что страновая специфика, временной период и упущенные переменные приводят к значительному смещению в отрицательную сторону в оценке коэффициента при переменной неравенства.

Форбс предполагает, что упущенным переменными, оказывающие влияние на смещение оценки, могут быть: высокий уровень коррупции (который может положительно коррелироваться с уровнем неравенства и негативно - с ростом), высокий уровень государственных расходов на здравоохранение, начальное образование (отрицательно коррелируется с неравенством и положительно - с ростом).

Форбс предупреждает, что страны могут столкнуться с выбором между снижением неравенства и стимулированием экономического роста. Форбс указывает, что в силу отсутствия корректных данных, оценка влияния неравенства на экономический рост внутри отдельной страны на период более 10 лет затруднительна. Вместе с тем исследователь предполагает, что положительное влияние неравенства на экономический рост может уменьшаться, если рассматривать более длительный период.

В работе Форбс использовались три различные техники оценки: МНК для оценки межстрановых данных, МНК для оценки объединенных спецификаций, фиксированные эффекты для оценки модели на основе панельных данных. Работа показала, что при использовании МНК при оценке межстрановых данных, оценка коэффициента при переменной неравенства имела отрицательный знак (иными словами, было получено, что неравенство оказывает негативное влияние на

экономический рост). Когда данные объединяются в пятилетний период, то влияние между неравенством и ростом колеблется между отрицательным и положительным, хотя незначимо и близко к нулю.

Предметом исследования Филиппа Кифера и Стивена Нэка [28] стало влияние социальной поляризации общества на экономический рост. Авторы оценивали канал «защиты прав собственности», через который неравенство оказывает воздействие на темпы экономического роста. Авторы приходят к выводу, что поляризация общества существенно влияет на экономическую политику, в том числе, на гарантии прав собственности как институциональный механизм. Кроме того, социальная поляризация может напрямую подрывать права собственности. Их эмпирические результаты подтверждают аргумент, что поляризация является причиной ухудшения безопасности прав собственности.

Для доказательства этой гипотезы, работа была поделена на две части. Первая часть была посвящена оценке влияния поляризации общества на защиту прав собственности, а вторая – оценке влияния правового режима (уровень незащищенности прав собственности) на экономический рост.

Так, социальная поляризация рассматривается через уровень этнического расслоения общества, неравенство доходов и неравенство земельной собственности.

Гипотезой исследования стало утверждение, что поляризация общества приводит к нарушению гарантий прав собственности, а поэтому снижает экономический рост [28]. Поляризация влияет на государственную политику в экономике, поскольку для экономических субъектов важным аспектом являются государственные гарантии имущественных прав (разрешение имущественных споров, противодействие экспроприации). Так как поляризация зачастую ведет к нарушению прав собственности, то деятельность экономических субъектов ограничена, что в свою очередь ведет к снижению темпов экономического роста.

Данные об этнической разобщенности авторы брали из International Country Risk Guide (ICRG). Данные о неравенстве доходов были взяты из базы Дайнингер-Сквайр. При анализе влияния неравенства по земельной собственности использовались данные Тейлор и Йодиче [29], Muller and Seligson [30].

Авторами рассматриваемой работы была обнаружена низкая корреляция между неравенством доходов и земельным неравенством, а также между

показателями любого вида поляризации общества, что говорит о наличии многочисленных источников поляризации.

Данные об индикаторах гарантий прав собственности авторы также брали из The International Country Risk Guide (ICRG), в котором этот индикатор оценивается по пяти параметрам: риск экспроприации, риск расторжения договоров с государством, верховенство закона, качество бюрократии, уровень коррупции в правительстве.

Авторами представлены результаты исследования влияния поляризации общества на гарантии прав собственности с использованием четырех прокси-переменных поляризации в различных спецификациях.

В качестве зависимой переменной в исследовании Philip Keefer и Stephen Knack [28] используется индекс безопасности прав собственности, усредненный для периода 1986-95 гг. В качестве контрольных в работе используются три переменные: затраты на создание учреждений по охране частной собственности; уровень институционального развития (функция от объема сделок, совершаемых на рынке); ВВП на душу населения.

Авторы не отвергли гипотезу о том, что поляризация в обществе подрывает безопасность прав собственности. Все коэффициенты при переменных-прокси поляризации имеют ожидаемый знак и демонстрируют сильное влияние на зависимую переменную в модели.

Причем, влияние земельного неравенства оказывается более сильным в странах, в которых большую часть рабочей силы составляют фермеры. К примеру, в Великобритании, Кувейте, Сингапуре, где в сельском хозяйстве задействована незначительная доля экономически активного населения, фактор земельного неравенства не оказывает столь сильное влияние на безопасность прав собственности. Напротив, в странах, где доля фермеров значительна (примерно 80%) среди экономически активного населения (Нигер – 92% рабочей силы оставляют фермеры) эффект от земельного неравенства вдвое выше среднего, чем в целом по выборке.

Этническая напряженность также является существенным фактором, влияющим на защищенность имущественных прав. Неравенство доходов, неравенство земли, этническая напряженность негативно влияют на защиту прав собственности.

Поляризация общества влияет на уровень политической стабильности, отсутствие которой приводит к снижению защиты прав собственности, безопасности и надежности. Однако исследование Philip Keefer & Stephen Knack [28] не подтвердило эту взаимосвязь. Так, при включении регрессоров частоты государственных переворотов, революций, покушений на представителей власти оценка поляризации общества изменилась незначительно. В целом влияние политического насилия на права собственности негативное, как ожидалось авторами, но оценка коэффициента при переменной, описывающей политическую нестабильность, не является статистически значимой.

Авторы также проверили влияние политического режима на права собственности. Так, в странах, для которых характерен демократический режим, наблюдается более равномерное распределение доходов и более надежная защита прав собственности.

Однако степень влияния изменяется в зависимости от региона. К примеру, при анализе стран Латинской Америки обнаружилось более сильное влияние показателя «этническая напряженность» на защиту прав собственности. При этом влияние неравенства земли снижается на две трети, что неудивительно, поскольку в Латинской Америке и Африке есть большая доля стран, в которых наблюдается как крайне неравномерное распределение земли и отсутствие гарантий прав собственности.

Предметом другой части работы [28] стало измерение влияния степени защиты прав собственности на экономический рост.

Гипотеза авторов заключалась в том, что незащищенность прав собственности может повлиять на экономический рост через снижение стимулов к инвестированию. С одной стороны, если неравенство регулируется через защиту прав собственности, то влияние неравенства на экономический рост должно снижаться по мере усиления защиты прав собственности. С другой стороны, если неравенство в основном регулируется через канал перераспределения, не будут ожидать значительные изменения в коэффициенте неравенства при контроле переменной уровня защиты прав собственности.

Авторы подтверждают негативное влияние неравенства на экономический рост при условии, что индекс прав собственности положительно соотносится с экономическим ростом. Также было замечено, что индекс прав собственности

снижает коэффициент при переменной неравенства почти на половину для неравенства доходов и на одну треть - для земельного неравенства. Защита прав собственности является важным каналом, через который неравенство влияет на экономический рост.

Филипп Кифер и Стивен Нэк предлагают разрешение конфликта выбора между перераспределением и экономическим ростом. Если перераспределение наносит ущерб экономическому росту, то усилия правительств должны быть направлены на защиту прав собственности, что также снижает уровень неравенства,

Если, с другой стороны, незащищенность прав собственности замедляет рост в поляризованных обществах, то политика перераспределения несет меньший риск замедления экономического роста. В этом случае перераспределение бюджетных средств в целях снижения уровня неравенства может фактически увеличить темпы экономического роста, снижая риск политической нестабильности.

В работе Кастелло и Доменич [31] используется новый подход к измерению человеческого капитала для широкой панели стран. Используя данные Barro and Lee [7] об уровне образования, авторы вычисляют коэффициенты Джини для человеческого капитала (уровень неравенства в доступе к образовательному ресурсу) и распределение образования по квинтилям в 108 странах за пятилетний промежуток времени с 1960 по 2000 годы. По результатам исследования, авторы получили два основных вывода. В большинстве стран мира наблюдается снижение неравенства по человеческому капиталу. Использование данных о человеческом капитале дают более надежные результаты, чем данные о неравенстве доходов при оценке стандартных моделей роста.

Влияние неравенства доходов на темпы экономического роста не является значимым. При включении в уравнение региональных фиктивных переменных обнаруживается отрицательное воздействие переменной, описывающей неравенство человеческого капитала на темпы экономического роста. Авторы приходят к выводу, что неравенство человеческого капитала (получение образования) связано с низким уровнем инвестиций и, как следствие, с низкими темпами роста доходов. Странам, которые демонстрировали в 1960 г. высокий уровень неравенства в распространении образования среди населения, характерна низкая норма инвестирования, что в свою очередь приводило к более низким темпам роста дохода. Поэтому, принимая решение о стимулировании экономического роста и о

перераспределении доходов, правительствам следует также учитывать фактор человеческого капитала – доступность широких слоев населения к рынку образования.

Кастелло и Климент [31] пытались проверить, влияет ли распространение образования на темпы роста доходов на душу населения в различных регионах мира. Изначально ожидалось, что негативное влияние неравенства человеческого капитала на экономический рост более чувствительно в развивающихся странах в силу низких показателей ожидаемой средней продолжительности жизни и рождаемости. В случае с богатыми странами демографические каналы не будут иметь столь важное значение.

Используя данные по уровню распространения образования, Кастелло и Доменеч [31], Кастелло-Климент тестирует влияние неравенства на экономический рост через канал «человеческий капитал» в период с 1965-2005 гг.

Результаты этого исследования показали отрицательную взаимосвязь между коэффициентом Джини (неравенством человеческого капитала) и темпом роста доходов на душу населения по всем 102 странам, по которым есть доступные данные. Кроме того, расчеты показали, что при повышении коэффициента Джини на 0,1 пункта снижается годовой темп роста на 0,51%.

Также было обнаружено, что открытие рынков и развитие торговли положительно влияют на экономический рост стран, в то время как инфляция оказывает отрицательное влияние на рост. Оценка коэффициента при переменной неравенства человеческого капитала продолжает оставаться значимой при рассмотрении выборки из развивающихся стран. Когда выборка ограничивается высокоразвитыми странами ОЭСР, негативное влияние неравенства человеческого капитала на экономический рост становится не столь значимым. Когда выборка ограничивается только развитыми странами, то влияние неравенства на экономический рост становится не столь очевидным – оценка коэффициента при переменной неравенства человеческого капитала снижается более, чем в два раза и перестает быть статистически значимой.

Более того, отсутствие негативного влияния неравенства человеческого капитала на экономический рост более заметно, когда выборка ограничивается лишь европейскими странами. Даже больше – результаты исследования демонстрируют

положительный знак коэффициента неравенства человеческого капитала, однако оценка не является статистически значимой для выборки из 20 европейских стран.

Кастелло- Климент попыталась проверить, как неравенство человеческого капитала может влиять на показатели экономического роста через демографические переменные. Кастелло- Климент исходит из теоретической предпосылки, что при контроле демографических переменных оценка коэффициента при переменной человеческого капитала перестает быть статистически значимой как на выборке из развивающихся стран, так и на выборке из развитых стран. Кастелло- Климент обнаруживает, что переменная продолжительности жизни оказывает большее влияние на темпы роста, чем переменная фертильности.

Кастелло- Климент также исследовала индивидуальные и совместные эффекты на рост как неравенства в доходах, так и неравенства человеческого капитала на экономический рост. Однако существенной проблемой для этой части исследования стало отсутствие необходимых данных. Так, выборка была сокращена до 55 стран (31 развивающаяся страна и 24 страны ОЭСР), по которым имелись доступные качественные данные по неравенству доходов для периода 1960-2000 гг.

Повышение уровня неравенства в доходах отрицательно влияет на экономический рост, что характерно как для выборки развивающихся стран, так и развитых. При контроле демографических каналов – продолжительность жизни и рождаемость – неравенство доходов продолжает оказывать отрицательное воздействие на экономический рост.

При анализе совместного эффекта человеческого капитала и неравенства доходов на экономический рост проверяется наличие независимого влияния на экономический рост. Авторы приходят к следующим выводам. Во-первых, коэффициенты неравенства человеческого капитала и неравенства доходов оказываются отрицательными и статистически значимыми для выборки из 55 стран, что позволяет сделать вывод об отрицательном воздействии этих показателей на темпы экономического роста. Однако эти коэффициенты перестают быть статистически значимыми, когда контролируются демографические показатели, такие как продолжительность жизни и рождаемость.

Во-вторых, принимая во внимание негативное влияние неравного распределения образования, коэффициент при переменной индекса Джини стремится к нулю в выборке из развивающихся стран. Более того, после включения в

выборку демографических переменных знак коэффициента при переменной индекса Джини становится положительным и статистически значимым на уровне 5%. Наконец, в развитых и в развивающихся европейских экономиках наблюдаются различные эффекты неравенства доходов и человеческого капитала на экономический рост. В частности, оценка коэффициента при переменной индекса Джини человеческого капитала продолжает оставаться отрицательной, хотя и не является статистически значимой. Однако при рассмотрении развитых стран обнаружилось положительное влияние неравенства в распределении доходов на темпы экономического роста, знак коэффициента Джини (доходов) оказался положительным и статистически значимым на уровне 10%.

На основе оценки панельных и пространственных данных о 48 штатах США в период с 1940-1980 гг., Уго Паницца [32] проверяет гипотезу об отрицательном влиянии неравенства на экономический рост. Это исследование интересно тем, что его предмет ограничен одной страной и оценивание производится как на пространственной выборке, так и панельных данных. Напомним, что более ранние работы, проведенные на основе межрегиональных данных, обнаруживают негативную взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом [2], в то время как более поздние работы, основанные на анализе панельных данных, обнаруживают положительную взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом [6; 27].

В тоже время, существуют работы, посвященных анализу взаимосвязи между экономическим ростом и неравенством на основе пространственных (cross-section) данных по штатам США и с использованием различных показателей неравенства, которые обнаруживают негативную взаимосвязь между неравенством и ростом, когда неравенство исчисляется как доля доходов третьего квантиля и положительную, когда неравенство измеряется с помощью коэффициента Джини [33].

В работе Паницца использовались данные по неравенству доходов по коэффициенту Джини, а также данные о доле доходов по третьему квантилю. В итоге, и в том и другом случае отвергается гипотеза о положительном влиянии неравенства на экономический рост. В тоже время работа выявляет отрицательное влияние неравенства на экономический рост, хотя взаимосвязь между неравенством

и ростом не является устойчивой к незначительным изменениям в данных или к эконометрической спецификации [32].

В противоположность аргументам Forbes (оценка на основе панельных данных), работа не подтверждает положительную взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом. В противоположность работе Partridge, анализ Panizza не выявляет положительной взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом; также не подтверждается гипотеза Partridge о том, что разные инструменты измерения неравенства приводят к противоположным оценкам.

А. Банерджи и Э. Дуфло [34] утверждали, что классическая проблема неточных данных неспособна объяснить, почему знак коэффициента при переменных неравенства получается положительным или отрицательным. Авторы считают, что экономисты исследуют линейную зависимость между неравенством и экономическим ростом, однако в реальности характер зависимости между неравенством и ростом не бывает однозначным, поэтому за сменой знака коэффициента при переменной неравенства может стоять нелинейность взаимосвязи между неравенством и ростом.

Развивая вышеописанную идею, для теоретического обоснования нелинейной зависимости А. Банерджи и Э. Дуфло предлагают две простые модели с применением полупараметрических и непараметрических методов, которые дают более надежные оценки по сравнению с неверно специфицированной параметрической моделью. Оценка полупараметрической модели показывает нелинейную зависимость между логарифмами ВВП и коэффициентом Джини. Поэтому исследователи объясняют противоречия предыдущих исследований неправильной спецификацией модели, не учитывающей наличия нелинейных эффектов, связанных с темпами роста уровня неравенства, и ведущей к положительному коэффициенту перед мерой неравенства в случае панельной регрессии [35].

Дурлауф [16] считает методологически неверным проводить исследования на основе выборки, включающей все доступные наблюдения без учета на уровень экономического развития стран. Именно поэтому результаты эмпирических исследований противоречат друг другу.

Ниже приводится систематизация рассмотренных нами работ, в которых проводится эконометрическое оценивание влияния неравенства на экономический рост.

Этот механизм, связывающий неравенство доходов с экономическим ростом, состоит в следующем: в экономике, где бедные индивиды не могут повлиять на перераспределение доходов при помощи механизма выборов, они прибегают к насилию и экспроприации. Высокая угроза правам собственности делает инвестирование более рискованным и, как результат, темпы экономического роста становятся меньше.

Мы тестируем этот механизм при помощи разных переменных, отражающих уровень социальной нестабильности.

Стоит подчеркнуть, что этот механизм использует то же самое сильное предположение об информационной симметрии, которое использовалось в механизме, связывающем неравенство и экономический рост через спрос на перераспределение доходов. Предполагается, что все индивиды обладают полной информацией о распределении доходов и месте собственных доходов в этом распределении. Хотя это предположение может быть слишком сильным, мы также используем его, потому что не имеем возможности оценить, насколько достоверно представление индивидов о распределении доходов.

В литературе в качестве показателей социальной нестабильности используются индикаторы, отражающие частоту политических потрясений, таких как, например, государственные перевороты или убийства политических лидеров. Однако такие политические потрясения могут не иметь никакого отношения к неравенству доходов. Политические убийства нередко происходят совсем не из-за того, что в стране много бедных, которые не могут повлиять на масштабы перераспределения конституционным способом. Возможно, бедные экономические агенты вообще не проявляют свое недовольство открыто. Однако при этом и перевороты, и политические убийства могут случаться. Например, религиозные, этнические и другие мотивы также нередко играют заметную роль среди причин политической нестабильности.

Смещение лидеров в результате государственных переворотов или политических убийств в большинстве случаев становятся результатом действия окружения политических лидеров, а не следствием революций или протестов со стороны больших групп населения [35]. Перевороты, например, часто случаются из-

за недовольства окружением политического лидера происходящим процессом персонализации власти, или в результате заговора военных, решивших, что могут контролировать экономику самостоятельно и, таким образом, более не нуждающихся в гражданском диктаторе. Эти перевороты могут быть никак не связаны с запросами общества на перераспределение доходов и не быть популярными среди бедных экономических агентов.

При этом в стране, где произошел госпереворот или убийство лидера, неравенство доходов может быть действительно высоким, а экономический рост слишком медленным. В целом же, свойствами менее развитых, бедных, экономик часто являются и более высокий уровень неравенства, и большая политическая нестабильность.

Однако, как уже говорилось, политическая нестабильность может быть спровоцирована не бедными индивидами, страдающими от высокого уровня неравенства, а группами интересов внутри богатого сословия, участвующими во внутриэлитных конфронтациях. Таким образом, механизм, связывающий неравенство доходов и экономический рост через социальную нестабильность, измеренную при помощи числа госпереворотов и политических убийств, может быть кажущимся. Причиной низких темпов экономического роста в такой экономике может быть политическая нестабильность, спровоцированная не неравенством доходов, а другими причинами, а неравенство может не иметь к случаям неконституционной смены власти никакого отношения.

Вполне вероятно, что неравенство действительно может играть роль в политической нестабильности даже тогда, когда те, кто страдает от неравенства больше всех, т.е. бедные индивиды, не делают никакого вклада в политическую нестабильность. Высокое неравенство доходов и капиталов проявляется в чрезмерной концентрации богатства в руках отдельных индивидов и групп, что делает их как мишенью политических атак, так и дает им самим возможность провоцировать политическую нестабильность. Экспроприация части капиталов и доходов у элиты действительно может снизить стимулы к внутриэлитной борьбе за контроль над капиталом и доходами, а, следовательно, привести и к сокращению количества политических переворотов и убийств. Но в таком случае изъятые богатства не обязательно распределять среди бедных, достаточно всего лишь сделать беднее элиту, отняв часть ее богатства и доходов.

Однако такой механизм, связывающий неравенство доходов, экономический

рост и политическую нестабильность, заметно отличается от того канала, который упоминается в литературе.

Проверить предположение о том, были ли заговорщики, когда устраивали политический переворот, мотивированы заботой об уровне благосостояния медианного индивида, или же преследовали собственные интересы, можно, собрав данные о политике перераспределения доходов после совершения переворота. Если размер перераспределения после такого события увеличивается, например, за счет проведения популистской политики, то можно сделать предположение о том, что одной из причин смены политической элиты действительно было высокое неравенство доходов. Однако политическая нестабильность далеко не всегда заканчивается сменой власти.

Помочь сделать предположения о причине существования политической нестабильности также может информация о свойствах политических сил, угрожающих существующей политической элите. Если, например, это левые организации, пользующиеся симпатиями значительных групп населения, более вероятно, что причиной политической нестабильности действительно является неравенство доходов. Однако, как уже говорилось выше, существование организаций, действия которых становятся причиной политической нестабильности, может также быть результатом этнических, религиозных, внутриэлитных, а вовсе не классовых различий и не быть напрямую связанным с неравенством.

Хотя число исторических госпереворотов, политических убийств и революций, которые были совершены левыми силами при поддержке значительных групп населения сравнительно велико, общее количество госпереворотов, и политических убийств, вероятно, не является лучшим показателем политической нестабильности, ставшей реакцией общества на высокий уровень неравенства доходов.

Еще один показатель, отражающий уровень социальной напряженности и упоминающийся в литературе - уровень защиты гражданских прав. Низкий уровень защиты гражданских прав характерен для экономик, в которых политическая власть распределена неравномерно. В таких странах власть сконцентрирована в руках политической элиты, а права индивидов, не входящих в элиту, плохо защищены от действий властей. При этом сохранение неравноправия более вероятно при большем неравенстве доходов и капитала [36]. В странах, где доходы и капитал распределены более равномерно, у богатой элиты меньше возможностей для захвата власти,

демонтажа системы сдержек и противовесов, подчинения средств массовой информации и преследования собственных граждан. Однако механизм, который подразумевается этим показателем, отличается от механизма, который подразумевается соответствующими теоретическими моделями. В последних инициатором политической нестабильности становятся бедные экономические агенты, не имеющие возможности повлиять на перераспределение доходов конституционным способом. В этом случае, гражданские массы, действуя ли напрямую, при помощи протестов, или же поддерживая повстанческие группировки, создает угрозу для правящего режима. Низкая же защита гражданских прав создает напряженность, инициатором которой, напротив, становятся правящие элиты и обслуживающие их силовые структуры, создающие угрозу благополучию индивидам, не принадлежащим к политической элите.

Из-за перечисленных проблем с упоминаемыми в литературе показателями, в этой работе мы попробуем найти переменные, отражающие социальную нестабильность, спровоцированную недовольством экономических агентов, страдающих от неравенства доходов.

Вероятно, таким показателем социальной нестабильности является уровень преступности. Масштабная преступность может быть результатом высокого уровня бедности, которая, возможно, устанавливается из-за высокого неравенства. Однако и этот показатель имеет некоторые недостатки. Например, еще одной причиной большого уровня бедности может быть низкий уровень выпуска в экономике. При этом уровень неравенства доходов может оставаться невысоким. В последнем случае справиться с бедностью и преступностью поможет скорее экономический рост, чем перераспределение доходов. Мы, однако, предполагаем, что уровень преступности коррелирует с неравенством доходов и, таким образом, отражает социальную напряженность, спровоцированную неравенством.

1.1.4 Неравенство доходов, экономический рост и выбор уровня рождаемости

В начале 1990-х гг. Перотти предположил, что неравенство негативно влияет на экономический рост через канал рождаемости и уровня образования. В бедных семьях родители предпочитают инвестировать в количество детей, а не в их образование, в силу отсутствия средств и недостатка рабочей силы [37; 38]. В обществах, характеризующихся высоким уровнем неравенства и несовершеннолетними

кредитными рынками, большая часть бедных домохозяйств не имеет возможности инвестировать в человеческий капитал, поэтому из-за отсутствия высокого дохода они делают приоритет на количество детей, а не на качество образования. Таким образом, при тестировании этой взаимосвязи оказывается, что неравенство положительно связано с фертильностью.

Поскольку инвестирование в человеческий капитал положительно влияет на экономический рост, то инвестиции в количество детей будет, наоборот, снижать будущий рост. Таким образом, высокая рождаемость отрицательно влияет на экономический рост, поскольку бедные домохозяйства не инвестируют в человеческий капитал. Так же можно сделать выводы о том, что рождаемость отрицательно связана с инвестированием в человеческий капитал.

Тестируя такую эконометрическую модель, Фигини рассмотрел основные регрессии путем удаления переменной человеческого капитала и добавления переменной фертильности. В результате коэффициент при переменной фертильности оказался отрицательным, но не сильно значимым. Коэффициент при переменной неравенства имеет положительный знак, это означает, что высокий уровень рождаемости обусловлен высоким уровнем неравенства. При введении в уравнение переменной «рынок капитала» для контроля за доступом к заимствованиям, и при игнорировании переменной человеческого капитал, чтобы избежать проблем эндогенности, Фигини обнаружил, что такая спецификация является значимой.

При оценке взаимосвязи между переменными экономического роста и фертильности Фигини обнаруживает отрицательный знак оценки коэффициента при переменной фертильности, что говорит о негативном воздействии рождаемости на экономический рост. Также было обнаружено, что высокий уровень рождаемости приводит к низкому уровню инвестиций в человеческий капитал. Таким образом, полученные Фигини результаты поддерживают идею о том, что рождаемость является каналом, через который низкий рост экономики связан с высоким уровнем неравенства в стране.

Кастелло-Климент также исследовала индивидуальные и совместные эффекты на рост как неравенства в доходах, так и неравенства человеческого капитала на экономический рост. Однако существенной проблемой для этой части исследования стало отсутствие необходимых данных. Так, выборка была сокращена

до 55 стран (31 развивающаяся страна и 24 страны ОЭСР), по которым имелись доступные качественные данные по неравенству доходов для периода 1960-2000 гг.

Повышение уровня неравенства в доходах отрицательно влияет на экономический рост, что характерно как для выборки развивающихся стран, так и развитых. При контроле демографических каналов – продолжительность жизни и рождаемость – неравенство доходов продолжает оказывать отрицательное воздействие на экономический рост.

При анализе совместного эффекта человеческого капитала и неравенства доходов на экономический рост проверяется наличие независимого влияния на экономический рост. Авторы приходят к следующим выводам. Во-первых, коэффициенты неравенства человеческого капитала и неравенства доходов оказываются отрицательными и статистически значимыми для выборки из 55 стран, что позволяет сделать вывод об отрицательном воздействии этих показателей на темпы экономического роста. Однако эти коэффициенты перестают быть статистически значимыми, когда контролируются демографические показатели, такие как продолжительность жизни и рождаемость.

Барро также подтвердил, что неравенство отрицательно влияет на рост через канал фертильности. Так, если в модели не учитывается показатель фертильности, который положительно коррелирован с неравенством, то оценка переменной коэффициента Джини становится отрицательной и значимой. В этом случае при снижении коэффициента Джини на 0,1, темп экономического роста будет повышаться на 0,4 п.п. (что также соответствует оценкам Перотти).

Когда рождаемость становится независимой переменной, то воздействие этой переменной на экономический рост становится отрицательным. При проверке рождаемости как зависимой переменной обнаруживается, что углубление неравенства предполагает рост уровня рождаемости.

В бедных странах домохозяйства часто выбирают высокий уровень рождаемости. Это свойство развивающихся экономик может быть, например, связано с плохим развитием пенсионной системы. В стране, где отсутствует пенсионная система или размер пенсий недостаточен для удовлетворения базовых нужд пожилых людей, родители едва ли могут рассчитывать на то, что их в старости будет содержать молодое поколение их сограждан, как это происходит во многих развитых странах. Скорее, им остается рассчитывать лишь на собственных детей. Фактически,

в отсутствие пенсионной системы, схема pay-as-you-go существует на уровне отдельных домохозяйств, а не экономики в целом: и молодое поколение, которое содержит старшее поколение и старшее поколение, получающее помощь от молодого поколения, принадлежат к одному домохозяйству, а в масштабах всей экономики такая поддержки старшему поколению от молодого поколения не существует.

Как результат, положение пожилых людей становится крайне сенситивным к поведению собственных детей. Если, например, единственный ребенок отказывается поддерживать своих родителей в старости, то последним, вероятно, в пожилом возрасте придется жить в крайней бедности. Контролировать этот риск возможно, в том числе, и за счет увеличения числа детей. То, что в помощи собственным родителям откажут сразу трое или четверо детей гораздо более редкое событие, чем отказ в поддержке со стороны единственного ребенка. Как результат, бедные родители мотивированы заводить больше детей. Однако большее число детей уменьшает расходы родителей на одного ребенка. Как результат, каждый ребенок получает незначительный запас человеческого капитала. При этом, если другие факторы производства, например, физический капитал, также накапливаются недостаточно быстро, то такая страна начинает напоминать мальтузианскую экономику: количество труда в ней становится слишком много по сравнению с другим ключевым фактором производства.

Перераспределение доходов, например, в виде установления пенсионной системы, таким образом, может снизить стимулы домохозяйств к выбору высокого уровня рождаемости.

Однако стоит подчеркнуть, что, как и в случае с механизмом, связывающим неравенство доходов с экономическим ростом через социальную нестабильность, причиной высокого уровня рождаемости может быть не неравенство доходов, а низкий уровень ВВП. Иными словами, высокий уровень бедности, а не неравенство доходов может быть более влиятельной причиной высокого уровня рождаемости. В неравных обществах с низким уровнем бедности, то есть в сравнительно развитых странах, уровень рождаемости в среднем значительно ниже, чем в экономиках с низким уровнем неравенства и высокой бедностью.

Мы используем показатель фертильности для оценки механизма влияния неравенства доходов на темпы экономического роста через уровень рождаемости.

Механизм взаимосвязи между неравенством доходов и экономическим ростом следует протестировать на чувствительность к уровню подушевого ВВП. Мы

ожидаем, что среднее число детей в домохозяйствах больше зависит не от неравенства доходов, а от подушевого ВВП.

1.2 Основные факторы влияния неравенства на экономический рост

Обобщенная классификация теоретических и эмпирических исследований взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом представлена в Таблицах 1-2.

Таблица 1 - Основные теоретические модели влияния неравенства на экономический рост

Каналы	Механизм	Авторы	Выборка	Тип исследуемых данных	Показатель неравенства	Источник данных о неравенстве доходов	Метод оценки	Оценка значимости тестируемого механизма
Политическая экономия (социально-политическая нестабильность)	Социально-политическая нестабильность создает риски для инвесторов, затрудняет реформы законодательства, направленные на защиту прав собственности	[40]	71 страна 1960-1985	Cross-section	Доходы населения, составляющие 3 и 4 квантили	Jain Lecaillon	2SLS (двухшаг. метод наименьших квадратов)	Принимается
		[2]	64 страны 1960-1985	Cross-section	Доходы населения, составляющие 3 и 4 квантили	Jain Lecaillon	OLS (метод наименьших квадратов), 2SLS (двухшаг. метод наименьших квадратов)	Принимается
		[41]	101 страна 1960-1985	Cross-section	Соотношение 40% доходов самых бедных к 20% богатейших	Paukert	OLS (метод наименьших квадратов)	Принимается
		[5]	56/89 стран 1970-1992	Cross-section	К-т Джини по доходам и землевладению	Deininger and Squire (1996)	OLS (метод наименьших квадратов)	Принимается

Продолжение таблицы 1

Политическая экономия (эндогенная фискальная политика)	Избиратели голосуют за уравнительную политику противоречащую интересам бизнеса, что снижает стимулы для инвестиций	[28]	13/43 страны 1960-1985	Cross-section	Доходы населения, составляющие четвертый квантиль	Paukert	OLS (метод наименьших квадратов), 2SLS (двухшаговый метод наименьших квадратов)	Отклоняется
		[2]	49/27 стран 1960-1985	Cross-section	Доходы населения, составляющие третий и четвертый квантили	Jain Lecaillon	OLS (метод наименьших квадратов), 2SLS (двухшаговый метод наименьших квадратов)	Отклоняется
Теория несовершенства кредитного рынка	Неравенство снижает рождаемость	[2]	62 страны 1960-1985	Cross-section	Доходы населения, составляющие третий и четвертый квантили	Jain Lecaillon	OLS (метод наименьших квадратов), 2SLS (двухшаговый метод наименьших квадратов)	Неоднозначный результат
	Неравенство препятствует накоплению человеческого капитала, бедные семьи не	[1]	52/81 1960-1992	Cross-section	Коэффициент Джини по землевладению	Deiningering and Squire	OLS (метод наименьших квадратов)	Принимается
		[Sylweste r, 2000]]	52 страны	Cross-section	Коэффициент Джини по	Deiningering and	3SLS (трехшаговый	Принимается (краткосрочны

	могут позволить себе образование.		1960-1992		доходам	Squire	метод наименьших квадратов)	й период) Отклоняется (долгосрочный период) (Образование производит отрицательный единовременный эффект на рост, но его лагированный эффект положительный.)
	В бедных странах ограничения на заимствования влияет на рост, для богатых стран такие ограничения несущественны	[42]	84 страны 1965-1995	Panel	Коэффициент Джини по доходам	Deininger and Squire	OLS (метод наименьших квадратов)	Отклоняется

Источник: [39]

Таблица 2 – Эмпирические исследования влияния неравенства на экономический рост

	Размер выборки	Тип исследуемых данных	Распределение	Показатель неравенства	Источник данных о неравенстве доходов	Метод оценки	Влияние неравенства на экономический рост
[3]	46/70 стран 1960-1985	Cross-section	Доход, Землевладение	Коэффициент Джини	Jain Fields	OLS (МНК) 2SLS (двухшаговый МНК)	Доход: Отрицательное для всей выборки; Отрицательное для демократических и недемократических стран; Незначимое, когда неравенство по доходам и землевладению рассматриваются одновременно Землевладение: Отрицательное для всей выборки
[4]	56 стран 1960-1985	Cross-section	Доход	Доля четвертого квантиля	Paukert	OLS (МНК) 2SLS (двухшаговый МНК)	Отрицательное для всей выборки; Отрицательное в демократических странах и незначительное в недемократических

Продолжение таблицы 2

[43]	74/8 стран 1970-1978	Cross-section	Доход	Коэффициент Джини, Вариация, Индекс Тейла, Доля четвертого квантиля	Социальные индикаторы ООН	OLS (метод наименьши х квадратов), 2SLS (двухшагов ый МНК), WLS (взвешенны й МНК)	Отрицательное для всей выборки; Отрицательное для демократических стран и для недемократических
[2]	67 стран 1970-1985	Cross-section	Доход	Доля третьего и четвертого квантиля	Jain Lecaillon	OLS (метод наименьши х квадратов), WLS (взвешенны й метод наименьши х квадратов)	Отрицательное для всей выборки; Незначимое, когда добавляются региональные дамми- переменные; Отрицательное для демократических стран и недемократических; Отрицательное в богатых и незначительное в бедных странах

Продолжение таблицы 2

[44]	43 страны 1960- 1992	Cross-section	Доход, Землевладение, Человеческий капитал	Коэффициент Джини	Deininger and Squire	OLS (метод наименьших квадратов)	Доход: Отрицательное для всей выборки; Незначимое, когда доход, землевладение и человеческий капитал рассматриваются одновременно; Землевладение и человеческий капитал: Отрицательное для всей выборки, даже когда неравенство по доходам, землевладению и человеческому капиталу рассматриваются одновременно
[1]	66/87 стран 1960- 1992	Cross-section	Доход, Землевладение	Коэффициент Джини	Deininger and Squire	OLS (метод наименьших квадратов)	Доход: Отрицательное для всей выборки; Незначимое, когда добавляются региональные дамми-переменные; Землевладение: Отрицательное для всей выборки; Незначимое для демократических стран и отрицательное для недемократических; Незначимое для богатых и отрицательное для бедных

							стран
[6]	46 стран 1960- 1990	Panel	Доход	Коэффициент Джини	Deiningen and Squire	FE (модели с фиксированными эффектами), RE (модели со случайными эффектами)	Положительное для всей выборки
[45]	31/60 стран 1966- 1990	Panel	Доход, Землевладение	Коэффициент Джини	Deiningen and Squire	System GMM (обобщённый метод моментов)	Доход: Положительное, когда неравенство по доходам и землевладению рассматриваются одновременно; Землевладение: Отрицательное для всей выборки

Продолжение таблицы 2

[27]	45 (средний и высокий доход) стран 1966- 1995	Panel	Доход	Коэффициент Джини	Deininger and Squire	First-diff GMM (обобщенный метод моментов)	Положительное для стран с высоким и средним уровнем дохода
[42]	84 страны 196-1995	Panel	Доход	Коэффициент Джини	Deininger and Squire	3SLS (трехшаговый метод наименьших квадратов)	Незначимое для всей выборки; Положительное в богатых и отрицательное в бедных странах
[46]	67/83 стран 1960- 1990	Cross-section	Доход, Человеческий капитал	Коэффициент Джини	Deininger and Squire, Barro and Lee	OLS (метод наименьших квадратов)	Доход: Отрицательное для всей выборки; Незначимое, когда добавляются региональные дамми-переменные; Положительное, когда неравенство по доходам и человеческому капиталу рассматриваются одновременно; Человеческий капитал: Отрицательное для всей выборки, даже когда неравенство по доходам и человеческому капиталу рассматриваются

							одновременно
[47]	45 стран 1965- 1995	Panel	Доход	Коэффициент Джини	Deininger and Squire	Kennel regressions	Отрицательный эффект на рост при изменении неравенства по доходам в любую сторону
[Kn owl es, 200 5]	40 стран 1960- 1990	Cross-section	Доход	Коэффициент Джини	Deininger and Squire	OLS (метод наименьших квадратов)	Отриц. для всей выборки; Незначимое для стран с высоким и средним доходом и отрицательное для стран с низким; Незначимое для валового дохода и отрицательное для расходов
[48]	21 развитая страна 1960- 2000	Panel	Доход	Коэффициент Джини; Соотношения 90/75 и 50/10	Luxembourg Income Study	System GMM (обобщённый метод моментов)	Незначимое для обобщенных данных о неравенстве; Положит. в верхней части распределения неравенства; отриц. в нижней части распределения неравенства

Продолжение таблицы 2

[49]	102/56 стран 1960-2000	Panel	Доход, Человеческий капитал	Коэффициент Джини; Квантили распределения образования	UNU WIDER Luxembourg Income Study, (World Income Inequality Database)	System GMM (обобщённый метод моментов)	Доход: Отрицательное для всей выборки; Отрицательное для бедных и положительное для богатых стран; Человеческий капитал: Отрицательное для всей выборки; Отрицательное для бедных и неопределённое для богатых стран
[50]	90 стран, 1960-2010	Panel	Доход (рыночный и располагаемый)	Коэффициент Джини	SWIID (The Standardized World Income Inequality Database)	System GMM (обобщённый метод моментов)	Рассматриваются чистое неравенство (после уплаты налогов) и перераспределение (разница между рыночным и чистым доходом). Согласно оценкам, неравенство негативно влияет на рост, в то время как перераспределение имеет незначительный эффект.
[51]	90 стран 1966-2005	Panel	Доход	Коэффициент Джини	Deininger and Squire, UNU WIDER (World Income Inequality	System GMM (обобщённый метод моментов), First-diff GMM	First-diff GMM: положительная связь для целой выборки и при разбивке по доходам; System GMM: положительное влияние для богатых и отрицательное для бедных стран

					Database)		
--	--	--	--	--	-----------	--	--

Источник: [39]

Список использованных источников

- 1 Deininger, K., Squire, L. A new data set measuring income inequality. *World Bank Economic Review* 10, 1996. pp. 565-591.
- 2 Perotti, R. (1996). "Growth, Income Distribution and Democracy: What Data Say". *Journal of Economic Growth*, 1, 149-87.
- 3 Alesina, A., Rodrik, D. Distributive Politics and Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*, 109(2), 1994. pp. 65-90.
- 4 Persson, T., Tabellini, G. Is Inequality Harmful for Growth? *American Economic Review*, 84(3), 1994. pp. 600-621.
- 5 Alberto Alesina & Dani Rodrik, 1991. "Distributive Politics and Economic Growth," NBER Working Papers 3668, National Bureau of Economic Research, Inc. http://www.nber.org/papers/w3668.pdf?new_window=1.
- 6 Li, H., Zou, H., 1998, Income inequality is not harmful for growth: theory and evidence, *Review of Development Economics* 2, 318-334.
- 7 Barro, R. J., Lee J. W. International Data on Educational Attainment Updates and Implications. *Oxford Economic Papers*, 3, 2001, pp. 541-63.
- 8 Figini, P. (1999). Inequality and Growth Revisited. *Trinity Economic Paper Series*, Paper No. 99 /2.
- 9 Bonica, A., McCarty, N., Poole, K., Rosenthal, H., (2013), "Why Hasn't Democracy Slowed Rising Inequality?", *Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, pp 103-124.
- 10 Gimpelson, V., Triesman, D., (2015), "Misperceiving Inequality", Working Paper 21174 <http://www.nber.org/papers/w21174>.
- 11 Aghion, P., Bolton, P. Distribution and growth in models of imperfect capital markets. *European Economic Review*, 36, 1992. pp. 603-611.
- 12 Aghion, P., Bolton P., A Theory of Trickle-Down Growth and Development. *Review of Economic Studies*, 64(2), 1997. pp. 151-172.
- 13 Galor, O., Zeira J. Income Distribution and Macroeconomics. *Review of Economic Studies*, 60(1), 1993. pp. 35-52.
- 14 Loury, Glenn C. Intergenerational Transfers and the Distribution of Earnings. *Econometrica* 49:843-67 (1981).
- 15 Lucas, R. On The Mechanics of Development Planning. *Journal of Monetary Economics*, Vol.22, 1988. pp. 3-42.
- 16 Durlauf, S.N. (eds.) *Handbook of Economic Growth*, chapter 25. North Holland, Amsterdam, 1996.
- 17 Fernandez, Rachel and Rogerson, Richard. Income Distribution, Communities and the Quality of Public Education. *Quarterly Journal of Economics* 111:135-64 (1996).
- 18 Aghion, P., Caroli E., García-Peñalosa C. Inequality and Growth in the New Growth Theories. *Journal of Economic Literature* 37, 1999. pp. 1615-1669.
- 19 Braun, M., Raddatz, C., (2004). "Trade liberalization and the politics of financial development," Working Papers 04-3, Federal Reserve Bank of Boston; Зингалес, Л., Раджан, Р., (2004), «Спасение капитализма от капиталистов. Скрытые силы финансовых рынков - создание богатства и расширение возможностей», Издательство Институт комплексных стратегических исследований, серия: библиотека ИКСИ, ISBN 5-7218-0572-2.

- 20 Clague, C., Keefer, P., Knack, S., Olson, M., (1999). "Contract Intensive Money," MPRA Paper 25717, University Library of Munich.
- 21 Fisman, R., Miguel, E., (2010), "Economic Gangsters: Corruption, Violence, and the Poverty of Nations," Princeton University Press; With a New postscript by the authors edition, ISBN-10: 0691144699.
- 22 Kuznets, S., (1955), "Economic Growth and Income Inequality," American Economic Review, vol. 45, pp. 1–28.
- 23 Braun, M., Raddatz, C., (2004). "Trade liberalization and the politics of financial development," Working Papers 04-3, Federal Reserve Bank of Boston.
- 24 Woo, J., 2003. Economic, political, and institutional determinants of public deficits. *Journal of Public Economics* 87, 387–426.
- 25 Easterly, W., 2000, The middle class consensus and economic development, The World Bank Development Research Group Working Paper No. 2346.
- 26 Kenneth L. Sokoloff and Stanley L. Engerman. History Lessons Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // *Journal of Economic Perspectives*—Volume 14, Number 3—Summer 2000 —Pages 217–232.
- 27 Forbes, K.J., 2000, A reassessment of the relationship between inequality and growth, *American Economic Review* 90, 869-887.
- 28 Keefer, P., Knack, S., 2000, Polarization, politics and property rights: links between inequality and growth", The World Bank Development Research Group Working Paper No. 2418.
- 29 Taylor, Charles and David Jodice. 1983. *World Handbook of Political and Social Indicators: Third Edition*. New Haven: Yale University Press.
- 30 Muller, E. N., and M. A. Seligson. 1987. "Inequality and Insurgency." *American Political Science Review* 81(2): 425–51.
- 31 Castelló-Climent, A. and R. Doménech (2007). "Human Capital Inequality, Life Expectancy and Economic Growth", forthcoming *Economic Journal*.
- 32 Panizza, U. (2002). "Income Inequality and Economic Growth: Evidence from American Data". *Journal of Economic Growth*, 7, 25-41.
- 33 Partridge, Mark, 1997, Is Inequality Harmful For Growth? Comment. *American Economic Review* 87(5):1019-1032.
- 34 Banerjee, Abhijit, Angus Deaton, and Esther Duflo (2004), "Wealth, Health and Health Services in Rural Rajasthan," *American Economic Review* 94 (2): 326-330.
- 35 Svobik, M., (2012), "The Politics of Authoritarian Rule," Cambridge University Press, ISBN-10: 1107607450.
- 36 Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J., (2004), "Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth," NBER Working Papers 10481, National Bureau of Economic Research.
- 37 Becker, Gary S., and Barro, Robert J. "A Reformulation of the Economic Theory of Fertility." *Q.J.E.* 103 (February 1988): 1-25.
- 38 Becker, Gary S.; Murphy, Kevin M.; and Tamura, Robert. "Human Capital, Fertility, and Economic Growth." *J.P.E.*
- 39 Cingano, F., «Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth», OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 163, OECD Publishing. 2014. OECD.
- 40 Alesina, A., Perotti R. Income distribution, political instability, and investment". *European Economic Review* 40(6), 1996. pp. 1203-1228.
- 41 Svensson, J. Investment, property rights and political instability: theory and evidence. *European Economic Review* 42, 1998. pp. 1317-1341.

- 42 Barro, R.J. Inequality and growth in a panel of countries. *Journal of Economic Growth* 5, 2000. pp 5-32.
- 43 Clarke, G.R.G. More evidence on income distribution and growth. *Journal of Development Economics* 47, 1995. pp. 403-427.
- 44 Birdsall, N., Londoño, J.L. Asset inequality matters: an assessment of the World Bank's approach to poverty reduction. *American Economic Review* 87, 1997. pp 32-37.
- 45 Deininger, K., Olinto, P. Asset distribution, inequality and growth. World Bank Research Working Paper No 2375, 2000.
- 46 Castelló, A., Doménech R. Human capital inequality and economic growth: some new evidence. *Economic Journal* 112, 2002. pp. 187-200.
- 47 Banerjee, A. V., Duflo E. Inequality and Growth: What Can the Data Say? *Journal of Economic Growth*, 8, 2003. pp. 267-99.
- 48 Voitchovsky (2005) "Does the Profile of Income Inequality Matter for Economic Growth?" *Journal of Economic Growth*, vol. 10(3), pages 273-296, 09.
- 49 Castello-Climent, 2010 "Inequality and growth in advanced economies: an empirical investigation, " *Journal of Economic Inequality*, Springer, vol. 8(3), pages 293-321.
- 50 Ostry J., A. Berg and C. Tsangarides (2014) "Redistribution, Inequality, and Growth" IMF Staff discussion note, February.
- 51 Halter D., M. Oechslin and J. Zweimüller, 2014. "Inequality and growth: the neglected time dimension," *Journal of Economic Growth*, Volume 19, Issue 1, pp 81-104.
- 52 Palma, J. Globalizing inequality: 'Centrifugal' and 'centripetal' forces at work, 6.m.: DESA Working Paper 35, 2006. Palma, J. Homogeneous middles vs. heterogeneous tails, and the end of the 'Inverted-U': The share of the rich is what it's all about. *Development and Change*, 42(1), 2011. pp. 87-153.
- 53 Piketty, T., Saez, E. Income Inequality in the United States, 1913–1998, *Quarterly Journal of Economics*, 118, 2003. pp. 1– 41.
- 54 Campbell, David F. J. / Paul Pölzlbauer / Thorsten D. Barth / Georg Pölzlbauer (2014). *Democracy Ranking 2014 (Scores)*. Vienna: Democracy Ranking.
- 55 Theil, H. *Economics and Information Theory*. Amsterdam: North Holland, 1967.
- 56 <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTGLOBALFINREPORT/0,,contentMDK:23492070~pagePK:64168182~piPK:64168060~theSitePK:816097,00.html>.
- 57 Figini, P., (1999), "Inequality and Growth Revisited," Trinity Economic Paper Series, Paper No. 99 /2.
- 58 Kuznets, S., (1955), "Economic Growth and Income Inequality,» *American Economic Review*, vol. 45, pp. 1–28.
- 59 Clague, C., Keefer, P., Knack, S., Olson, M., (1999). "Contract Intensive Money," MPRA Paper 25717, University Library of Munich.
- 60 Федеральная Служба Государственной Статистики, (2015). О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в I квартале 2015 года, http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/111.htm.
- 61 Зингалес, Л., Раджан, Р., (2004). Спасение капитализма от капиталистов. Скрытые силы финансовых рынков - создание богатства и

расширение возможностей, Издательство Институт комплексных стратегических исследований, серия: библиотека ИКСИ, ISBN 5-7218-0572-2.

62 Alexeev, M., Clifford G., (1993). Income Distribution in the U.S.S.R. in the 1980s. Review of Income and Wealth, #39, pp 23–36.

63 Bourguignon, F. (1999). Crime, violence, and inequitable development. Annual World Bank Conference on Development Economics, Washington D.C., pp. 28-30.

64 Braun, M., Raddatz, C., (2004). Trade liberalization and the politics of financial development, Working Papers 04-3, Federal Reserve Bank of Boston.

65 Flemming, J., Micklewright, J., (2000). Income distribution, economic systems and transition, Chapter 14 in Handbook of Income Distribution, vol. 1, pp 843-918 from Elsevier.

66 Gorodnichenko, Y., Sabirianova, K., Stolyarov, D., (2009). Inequality and Volatility Moderation in Russia: Evidence from Micro-Level Panel Data on Consumption and Income, NBER Working Paper #15080.

67 Piketty, T. (2014). Capital in the 21st century, Belknap Press.

68 The World Bank in the Russian Federation, (2014). Russia Economic Report: Confidence Crisis Exposes Economic Weakness, March 2014, #31.

69 The World Bank in the Russian Federation, (2015). Russia Economic Report: the Dawn of a New Economic Era?, April 2015, #33.

70 Treisman, D., (2012), Inequality: The Russian Experience, Current History, October 2012, pp. 264-268.

71 United Nations, (2006b). World population prospects: The 2004 revision population database, <http://esa.un.org/unpp/>.